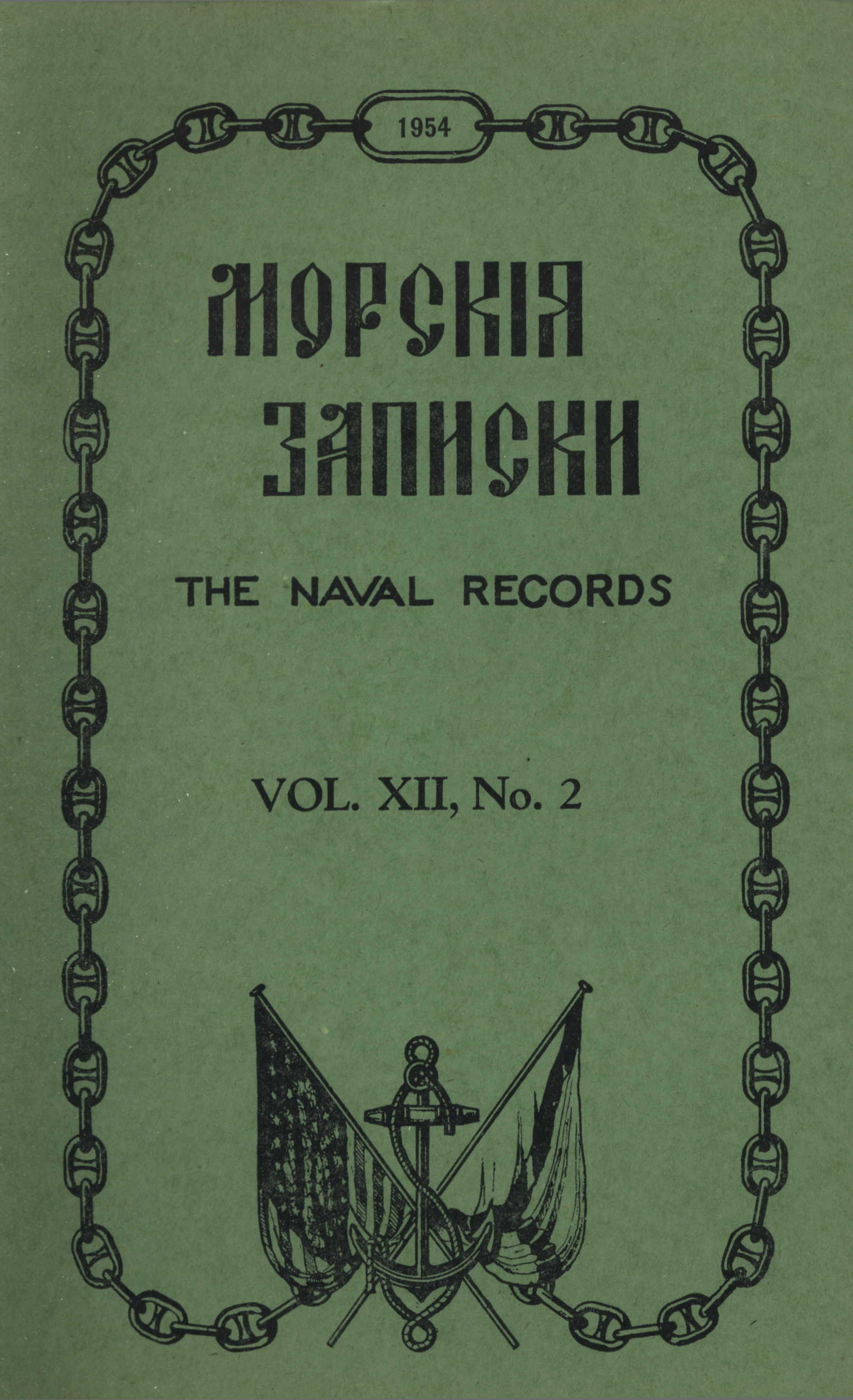

1954
МОРСКІЯ
ЗАПИСКИ
THE NAVAL RECORDS
VOL. XII, No. 2

МОРСКІЯ ЗАПИСКИ

Издаваемыя Обществомъ Офицеровъ Россійскаго Императорскаго флота въ Америкѣ подъ редакціей Ст. Лейт. Бар. Г. Н. ТАУБЕ.

465 Лексингтонъ авеню Нью Іоркъ, С. Ш. А.

THE NAVAL RECORDS

Published by the Association of Russian Imperial Naval Officers in America, Inc.

G. N. Taube, Editor.

465 Lexington Avenue, New York 17, N. Y., U.S.A.

VOL. XII. No. 2 — *Price $3.00 yearly* — *JULY, 1954*

СОДЕРЖАНІЕ:

CONTENTS:

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Какъ было упомянуто въ извѣщеніи, разосланномъ подписчикамъ и друзьямъ «Морскихъ Записокъ» 1-го февраля с. г., редакція, для удешевленія стоимости изданія, какъ опытъ, помѣстила заказъ на печатаніе слѣдующаго номера, Тома XII, № 1, внѣ С. Ш. А.

Предполагалось, что типографіи займетъ около трехъ мѣсяцевъ выполнить заказъ и что въ концѣ марта — началѣ апрѣля, номеръ, готовый къ разсылкѣ, будетъ полученъ въ Нью Іоркѣ.

Однако, разсчеты редакціи оказались слишкомъ оптимистичны. Рядъ непредвиденныхъ затрудненій воспрепятствовалъ тому, чтобы номеръ былъ готовъ къ условленному сроку. Одной изъ причинъ къ этому было недостаточное оборудованіе типографіи, другой — вдвое долгій, противъ предположеннаго, срокъ пересылки рукописей, полученіе и возвращеніе корректуръ. Въ результатѣ, вмѣсто предполагаемыхъ трехъ мѣсяцевъ, печатаніе и пересылка заняла болѣе полугода.

Это печальное обстоятельство могло быть выяснено только съ теченіемъ времени, и когда сдѣлалось ясно, что готовность № 1 задержится на неопредѣленное время, редакція, дабы выпустить слѣдующій номеръ въ срокъ, отдала его печатать въ Нью Іоркѣ. Поэтому №№ 1 и 2 выходятъ почти-что одновременно.

Редакція приняла въ разсчетъ всѣ встрѣтившіяся препятствія и надѣется, что если въ будущемъ не появятся новыя, неожиданныя затрудненія, выпустить послѣдній номеръ въ текущемъ году — Томъ XII, № 3/4, въ концѣ года.

Е. Двойченко-Маркова

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ ДРУЖБА ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

«Одинъ разсказывалъ, какъ скоро должно кончится осадное положеніе въ Севастополѣ, что ему вѣрный флотскій человѣкъ разсказывалъ, какъ Константинъ, царевъ братъ, съ мериканскимъ флотомъ идетъ намъ на выручку».

— Л. Н. Толстой, «Севастопольскіе разсказы».

«Передъ нами разыгрывается великая драма, которой слѣдствія отзовутся, можетъ быть, черезъ цѣлыя столѣтія».

— Д-ръ Н. И. Пироговъ, «Письма изъ Крыма».

Въ 1917 году, архивы Русскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ посѣтилъ американскій историкъ, Франкъ Гольдеръ, собравшій интересные матерьялы о русско-американскихъ отношеніяхъ во время Крымской войны. Опубликованная имъ на эту тему статья основана цѣликомъ на донесеніяхъ русскихъ дипломатовъ изъ Вашингтона. Въ американской исторической литературѣ это — единственная статья, освѣщающая русско-американскія отношенія во время Крымской войны. Къ сожалѣнію, Гольдеръ не использовалъ для своей статьи американскихъ архивовъ, содержащихъ донесенія американскихъ дипломатовъ изъ Россіи. Пробѣлъ этотъ особенно интересно заполнить теперь, когда приближается столѣтіе одного изъ очередныхъ «крестовыхъ походовъ» Европы противъ Россіи, въ которомъ Соединенные Штаты, занявъ позицію нейтралитета, фактически были на сторонѣ Россіи.

Собирая антирусскую коалицію, лордъ Пальмерстонъ такъ формулировалъ свой планъ разчлененія Россіи: Финляндію предполагалось отдать Швеціи, Балтійскія провинціи — Пруссіи, изъ Польши создать «барьеръ» между Германіей и Россіей, Молдавію и Валахію вырвать изъ-подъ русскаго вліянія и предоставить въ распоряженіе Австріи, Крымъ отдать Турціи, а на Кавказѣ создать независимую «Черкессію». Въ то-же время, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, заявилъ, что, покончивъ съ Россіей, союзники займутся Америкой, «имперіализмъ» которой начиналъ ихъ раздражать, а Наполеонъ Третій открыто возмущался невыгодной сдѣлкой Франціи, продавшей при Наполеонѣ Первомъ обширныя территоріи въ Америкѣ Соединеннымъ Штатамъ. Такимъ образомъ, соединяя Россію и Америку

въ своихъ обвиненіяхъ и угрозахъ, Англія невольно бросала ихъ въ объятія другъ другу.

Послѣдовавшая затѣмъ дружба Америки съ Россіей не имѣетъ себѣ равной на протяженіи всей исторіи русско-американскихъ отношеній.

Въ 1853 году, президентомъ Соединенныхъ Штатовъ былъ избранъ генералъ Франклинъ Пирсъ, извѣстный въ американской исторіи своей политикой экспансіи. Въ программу его внѣшней политики входила аннексія Гавайскихъ островoвъ и Кубы, постройка американской морской базы на Санъ-Доминго и покупка Аляски у Россіи. Пирсъ и его государственный секретарь, Вильямъ Марси, прекрасно знали, что союзъ Англіи съ Франціей направленъ противъ интересовъ американской экспансіи, но имъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ избрать политику крайней осторожности и занять нейтральную позицію въ разыгравшемся европейскомъ конфликтѣ.

Въ началѣ 1854 года, американскимъ посломъ въ Россіи былъ назначенъ землякъ Пирса по Новой Англіи, губернаторъ штата Коннектикутъ, полковникъ Томасъ Сеймуръ. О странѣ, въ которую Сеймуръ отправлялся безъ особаго энтузіазма, американскій послъ имѣлъ, по его собственному признанію, свѣдѣнія не только скудныя, но и ошибочныя. По мѣрѣ того, какъ Сеймуръ, на мѣстѣ, знакомился съ истиннымъ положеніемъ вещей, онъ сообщалъ о нихъ своему правительству. Его обстоятельные и интересные доклады изъ Россіи представляютъ цѣннѣйшій матерьялъ не только для исторіи русско-американскихъ отношеній во время Крымской войны, но и для исторіи самой войны.

Незадолго до пріѣзда Сеймура въ Петербургъ, тамъ побывала миссія англійскихъ квакеровъ, пытавшихся предотвратить начинавшуюся войну. Инициатива посылки такой миссіи принадлежала знаменитому англійскому политическому дѣятелю, квакеру Джону Брайту, занявшему въ англійскомъ парламентѣ неуклонную оппозицію противъ Крымской войны. Хотя предотвратить войну было уже слишкомъ поздно, русскій императоръ оказалъ квакерамъ самый ласковый дружескій пріемъ и принялъ спеціальныя мѣры, чтобы они могли спокойно покинуть предѣлы уже вступившей въ войну Россіи. Вернувшись въ Лондонъ, квакеры выступили противъ нападокъ англійской прессы на Россію и ее царя, назвавъ ихъ «недостойной клеветой».

Ссылаясь на свидѣтельство квакеровъ и слѣдуя ихъ примѣру, Сеймуръ, въ своихъ донесеніяхъ, началъ съ защиты репутаціи Николая Перваго отъ «клеветническихъ нападокъ его враговъ». Подробно описывая аудіенцію у русскаго царя и ласковый пріемъ, оказанный ему Николаемъ Первымъ, Сеймуръ, между прочимъ, замѣчаетъ:

> «Особенно неотразимое впечатлѣніе произвело на меня его горячее и крѣпкое рукопожатіе. Такое у насъ называется добрымъ республиканскимъ».

Интересно отмѣтить, что Сеймуръ не былъ единственнымъ американцемъ, преклонявшимся передъ личностью Николая Перваго. Одинъ изъ атташе американскаго посольства въ Петербургѣ во время Крымской войны, Андрю Вайтъ, впослѣдствіи вернувшійся въ Россію въ качествѣ американскаго посла, такъ описалъ Николая Перваго въ своихъ мемуарахъ:

> «Русскій императоръ считался самымъ красивымъ мужчиной въ Европѣ. Мнѣ онъ казался воплощеніемъ могущества. Великанъ ростомъ, съ лицомъ какъ на греческихъ барельефахъ, но съ русской грустью въ глазахъ, онъ былъ какъ богъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, не было на свѣтѣ никого проще и обходительнѣе его, какъ у себя во дворцѣ, такъ и на улицѣ. Это было время, когда русскій царь могъ еще свободно появляться одинъ на улицахъ любого города своей имперіи. Николай Первый часто гулялъ по Невской набережной и, встрѣчая людей, разговаривалъ съ ними. О такихъ прогулкахъ и разговорахъ съ нимъ оставилъ воспоминанія американскій посолъ, Далласъ».

Во время Крымской войны американская пресса, несмотря на рѣзкіе протесты Англіи и Франціи, была полна про-русскими статьями и восхваленіями императора Николая Перваго, какъ защитника христіанства. Американскіе писатели и поэты отъ нихъ не отставали. Особенно яркимъ примѣромъ американскаго руссофильства во время Крымской войны является стихотвореніе, появившееся въ 1855 году въ журналѣ «U. S. Review», посвященное «великому Севастополю». Въ немъ высмѣивались «жадный британскій левъ, крикливый гальскій пѣтухъ и кровавый османъ» и воспѣвался непобѣдимый рухъ русскаго царя».

Послѣ аудіенціи у русскаго императора, Томасъ Сеймуръ былъ представленъ великому князю Константину Николаевичу, бывшему во время Крымской войны во главѣ русскаго флота. Если пожатіе царской руки было «республиканскимъ», то великій князь проявилъ такую «чисто-американскую практичность», какой Сеймуръ «не встрѣчалъ ни у кого въ Европѣ». Это пріятное открытіе позволило Сеймуру высказать увѣренность, что какъ только Константинъ Николаевичъ приступитъ къ проэктируемымъ имъ реформамъ въ русскомъ флотѣ, онъ не преминетъ обратиться къ «американскому генію и предпріимчивости»[1].

Американская колонія въ Петербугѣ была небольшой. Зато, къ удивленію Сеймура, тамъ жило довольно много англичанъ, составившихъ себѣ въ Россіи, передъ войной, цѣлыя состоянія. Въ Европѣ, по дорогѣ въ Россію, Сеймура увѣряли, что Николай Первый распорядился выслать изъ Россіи всѣхъ британскихъ и французскихъ гражданъ.

---

[1] Надежды Сеймура вполнѣ оправдались: во время и послѣ Крымской войны Америка получила изъ Россіи крупные заказы на постройку военныхъ судовъ.

Въ Петербургѣ, Сеймуръ воочію убѣдился, что это была «чистѣйшая выдумка» и что поселившіеся въ Россіи англичане спокойно оставались тамъ жить. «Мало того», пишетъ Сеймуръ: «Сохранивъ не только свое подданство, но и всѣ свои предубѣжденія, они совершенно увѣрены въ неприкосновенности ихъ личности и имущества». Съ семьей такого англичанина, путешественника Аткинсона, недавно вернувшагося изъ поѣздки по Сибири, очень подружился молодой Вайтъ. Въ своихъ мемуарахъ, Вайтъ разсказываетъ, какъ, проводя долгіе вечера за изученіемъ обильныхъ матеріаловъ, собранныхъ Аткинсономъ, онъ ознакомился съ Сибирью такъ, «какъ будто самъ тамъ побывалъ». Изученіе Россіи и ее исторіи на мѣстѣ, позволило Вайту, по возвращеніи въ Америку, прочесть нѣсколько лекцій о Россіи и ея культурѣ, а оставленные имъ мемуары, служатъ цѣннымъ источникомъ для исторіи русско-американскихъ отношеній во время Крымской войны.

Вайтъ учился во Франціи и хорошо говорилъ по-французски. Это облегчало его контактъ съ представителями русской интеллигенціи, а для своихъ соотечественниковъ онъ былъ незаменимымъ переводчикомъ и гидомъ. Во время Крымской войны, въ Петербургъ пріѣхалъ полковникъ Самуилъ Кольтъ, изобрѣтатель револьвера, названнаго его именемъ. Онъ предложилъ русскому правительству ввести въ русской арміи свое изобрѣтеніе и доставлять его изъ Америки. Ему отвѣтили: «наши солдаты умѣютъ обращаться только съ ружьями стараго образца», и въ результатѣ русской отсталости въ техникѣ и въ боевой подготовкѣ рядового состава арміи, съ горечью замѣчаетъ Вайтъ, «русскіе солдаты гибли тысячами отъ новыхъ орудій войны, введенныхъ въ арміяхъ противника». Передъ отъѣздомъ, Кольтъ, и его спутники попросили Вайта помочь имъ осмотрѣть достопримѣчательности русской столицы. Они отправились въ Эрмитажъ и тамъ ихъ вниманіе привлекли коллекціи Петра Великаго, содержащія нѣсколько машинъ того времени. Къ изумленію Кольта, одна изъ машинъ оказалась точной копіей совсѣмъ недавно изобрѣтенной во Франціи. «Двѣсти лѣтъ эта машина стояла въ музеѣ», пишетъ Вайтъ, «и никто въ Россіи не зналъ и даже не далъ себѣ труда поинтересоваться, какую огромную цѣнность она собою представляетъ!»

Съ большими трудностями однажды удалось американскимъ представителямъ уговорить чиновниковъ русскаго военнаго министерства присутствовать на пробѣ новаго американскаго изобрѣтенія въ артиллеріи. Когда всѣ собрались, оказалось, что одну изъ частей пушки кто-то выкралъ, демонстрація изобрѣтенія оказалось невозможной, и все дѣло вообще провалилось. Вайтъ вспоминаетъ объ этомъ съ такой горечью, такъ огорчается каждой русской неудачей и такъ радуется каждой русской побѣдѣ, что подъ его воспоминаніями о Крымской войнѣ, какъ и подъ депешами изъ Петербурга Сеймура, могъ-бы смѣло подписаться любой русскій патріотъ.

Когда у береговъ Кронштадта, близко отъ русской столицы, появился непріятельскій союзный флотъ, американскимъ дипломатамъ пришлось, вмѣстѣ съ населеніемъ Петербурга, лично переживать этотъ важный эпизодъ Крымской войны. Вайтъ высказываетъ увѣренность, что, если-бы русскіе военные корабли были покрыты желѣзными панцырями, они легко могли-бы уничтожить непріятельскую эскадру подъ Кронштадтомъ и, такимъ образомъ, «одержать величайшую въ новой исторіи морскую побѣду». Болѣе ста союзныхъ кораблей собралось вмѣстѣ чтобы атаковать Кронштадтъ, и англійскій адмиралъ, во время банкета въ Лондонѣ приглашалъ уже присутствующихъ на слѣдующій банкетъ... въ Петербургѣ. Но, простоявъ передъ неприступнымъ Кронштадтомъ цѣлое лѣто, адмиралъ вернулся въ Лондонъ, «не имѣя удовольствія даже взглянуть на русскую столицу», торжествующе заключаетъ свой разсказъ Вайтъ. Онъ прибывляетъ, что въ Россіи появилась, по этому поводу, самая остроумная каррикатура, какую ему пришлось когда-либо видѣть: хвастливый англійскій адмиралъ изображенъ сидящимъ на самой высокой мачтѣ своего фрегата съ огромной подзорной трубой въ рукахъ, силясь узрѣть отдаленныя верхушки церквей русской столицы.

Но когда американское посольство въ Петербургѣ получило газеты изъ Америки, тамъ стояло англійское сообщеніе о бомбардировкѣ и разрушеніи англійскимъ флотомъ Свеаборга. Опровергая эту очередную «утку», американскій посолъ пишетъ:

> «Повидимому, англичане имѣютъ въ виду разрушенные ими деревни мирныхъ финскихъ рыбаковъ, которые оказались единственнымъ доступнымъ объектомъ для ихъ пушекъ на русскомъ берегу. Такими побѣдами, англичане медленно, но вѣрно завоевываютъ себѣ славу... безславія».

Интересно отмѣтить, что этотъ позорный для Англіи инцидентъ, произвелъ въ самой Англіи такое гнетущее впечатлѣніе, что сейчасъ же послѣ войны, англійскіе квакеры поспѣшили собрать по частной подпискѣ деньги на возстановленіе разрушенныхъ англійскимъ флотомъ финскихъ рыбачьихъ поселковъ на берегахъ Россіи.

По мѣрѣ того, какъ развивались событія, вынужденный «нейтралитетъ» американскихъ дипломатовъ въ Россіи давалъ все больше трещинъ.

Сеймуръ пишетъ:

> «Наше правительство запрещаетъ намъ вмѣшиваться въ происходящій конфликтъ. Но если бы у меня было право показать хоть малѣйшее предпочтеніе одной изъ воюющихъ сторонъ, я не вижу ничего, чтобы могло меня убѣдить стать на сторону теперешнихъ владыкъ Балтики и Чернаго моря».

Въ это время, на русско-американскую дружбу легла неожиданная тѣнь: на родинѣ Сеймура нашлись, правда очень немногочисленные,

люди, рѣшившіе использовать американскій нейтралитетъ для личныхъ матеріальныхъ выгодъ. То, что было мало убѣдительнымъ для американскаго дипломата, оказалось достаточно убѣдительнымъ для владѣльцевъ американскихъ торговыхъ судовъ. Одинъ изъ нихъ, Джонъ Кодманъ, владѣлецъ парового судна «Вильямъ Пеннъ», оставилъ книгу воспоминаній о томъ, какъ онъ возилъ войска и аммуницію въ Крымъ, сначала для Франціи, а потомъ для Турціи. Несмотря на опасность предпріятія, съ нимъ были на пароходѣ его жена и дочь. Любопытно отмѣтить, что работа Кодмана въ пользу враговъ Россіи, позволившая ему побывать въ Крыму и познакомиться съ русскимъ населеніемъ, сдѣлала изъ него горячаго русофила. Въ своей книгѣ, Кодманъ съ возмущеніемъ описываетъ, какъ англійскіе солдаты прокалывали штыками иконы въ русскихъ церквахъ и какъ русская помѣщица, выгнанная англичанами изъ своего имѣнія, умерла на рукахъ его жены, благодаря Бога за то, что ей закрыла глаза женщина дружественной Россіи страны. Въ Крыму, Кодманъ видѣлъ археологическіе раскопки, сдѣланные русскими, которые навели американскаго капитана на размышленія о томъ, что Россія отнюдь не варварская страна, какъ его увѣряли въ Европѣ, что «цивилизованному міру можно еще многому у нея поучиться».

Несмотря на недовольство, вызванное въ Россіи этой американской помощью союзникамъ, американское правительство было безсильно остановить всемогущую «частную инціативу» владѣльцевъ американскихъ торговыхъ кораблей и пароходовъ, тѣмъ болѣе, что та-же частная инціатива работала и въ обратномъ направленіи. Въ 1854 году, въ Петербургъ были посланы представители владѣльцевъ торговыхъ судовъ изъ Луизіаны и Калифорніи, Коттманъ и Сандерсъ, съ предложеніемъ организовать изъ ихъ судовъ флотилію подъ командой русскихъ офицеровъ и подъ русскимъ флагомъ, для отраженія возможного нападенія англо-французскаго флота въ Тихомъ океанѣ. Но русскій премьеръ-министръ, Нессельроде, рѣшительно отклонилъ ихъ предложеніе, заявивъ, что оно является нарушеніемъ закона о нейтралитетѣ. На томъ же основаніи, онъ отклонилъ ходатайство о принятіи на русскую службу трехсотъ стрѣлковъ изъ штата Кентуки, «жаждавшихъ испробовать мѣткость американскихъ ружей на врагахъ русскаго императора въ Крыму».

Зато американское правительство не остановилось передъ тѣмъ, чтобы рѣшительно пресѣчь безцеремонный наемъ американскихъ гражданъ для пополненія порѣдѣвшихъ рядовъ англійской арміи, начатый англійскими дипломатами въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ и Цинцинати. По приказу президента Пирса, эти дипломаты были высланы изъ Америки, обвиненные въ нарушеніи закона о нейтралитетѣ. Сеймуръ поспѣшилъ извѣстить свое правительство о томъ, что въ Россіи остались довольны концомъ этой «скандальной рекрутской кампаніи».

Американскому послу въ Россіи было нетрудно укрѣплять русско-

американскую дружбу на обломкахъ англо-русскихъ политическихъ и торговыхъ связей. Во время Крымской войны, благодаря Сеймуру, Америкѣ удалось впервые проникнуть въ Персію. Незадолго до войны, американское правительство тщетно пыталось заключить съ Персіей торговый договоръ. Англичане, прочно угнѣздившіеся въ Центральной Азіи со временъ и при помощи Ивана Грознаго, всячески препятствовали проникновенію туда Америки. Не очень заинтересованы были и русскіе создавать новыхъ конкурентовъ въ сосѣдней странѣ.

Несмотря на то, что изъ Вашингтона одна за другой приходили секретныя депеши, торопившія Сеймура съ хлопотами о покровительствѣ Россіи американцамъ въ Персіи, американскій посолъ все выжидалъ удобного момента. Случай не замедлилъ представиться.

Въ декабрѣ 1854 года, во время землетрясенія въ Японіи, въ японской бухтѣ Симодо затонулъ стоявшій тамъ русскій фрегатъ «Діана», на которомъ было отправлено въ Японію русское посольство во главѣ съ адмираломъ Путятинымъ. Русское правительство хлопотало передъ американскимъ о томъ, чтобы американцы вывезли подъ своимъ нейтральнымъ флагомъ русскихъ изъ Японіи и доставили ихъ в Россію. Когда Сеймуръ получилъ изъ Америки газету, упоминавшую о помощи оказанной пострадавшимъ русскимъ экипажамъ американскаго военнаго судна, онъ съ этимъ сообщеніемъ отправился къ Нессельроде и, воспользовавшись исключительно любезнымъ пріемомъ, изложилъ просьбу своего правительства о поддержкѣ Россіей американскаго торговаго договора съ Персіей. Вскорѣ, Сеймуръ съ радостью сообщилъ въ Вашингтонъ, что соотвѣтствующія инструкціи уже посланы русскому послу въ Тегеранѣ и что впредь американцы, вплоть до созданія ихъ собственнаго дипломатическаго представительства въ Персіи, будутъ находиться тамъ подъ особымъ покровительствомъ русскаго посольства.

Въ самый разгаръ Крымской войны Россію посѣтила американская военная миссія, посланная президентомъ Пирсомъ въ Европу для ознакомленія съ новѣйшими методами веденія войны. Миссія состояла изъ майоровъ: Делафильда и Мордекай и капитана кавалеріи, Джорджа Макъ Клеллана, который впослѣдствіи сыгралъ крупную роль въ гражданской войнѣ США. Несмотря на то, что Макъ Клелланъ былъ самымъ младшимъ изъ трехъ членовъ миссіи, ему было дано самое отвѣтственное заданіе: изучить на мѣстѣ достиженія русской арміи, а также — методы укрѣпленій и организацію кавалеріи во всѣхъ странахъ Европы. Исключительное довѣріе американскаго правительства къ Макъ Клеллану объяснялось блестящими военными дарованіями, выказанными молодымъ офицеромъ во время Мексиканской войны, а также его прекраснымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ.

Весной 1855 года, американская миссія покинула США и направилась въ Англію, гдѣ она была любезно принята лордомъ Кларендономъ, давшимъ имъ рекомендательныя письма къ адмиралу Балтійскаго флота,

лорду Раглану и къ офицерамъ англійскаго командованія въ Констан-тинополѣ.

Во Франціи, американская миссія столкнулась съ нѣкоторыми затрудненіями: военные законы этой страны запрещали знакомить офицеровъ иностранной державы съ французскими военными достиженіями, если послѣ посѣщенія Франціи, они отправляются во вражескую страну.

Въ маѣ, американская миссія была уже въ Берлинѣ, откуда намѣревалась проѣхать въ Крымъ черезъ Варшаву и Кіевъ, минуя Петербургъ. Русскій посолъ въ Берлинѣ, баронъ Будбергъ, любезно снабдилъ американцевъ рекомендательными письмами, а въ Варшавѣ ихъ прекрасно принялъ генералъ Паскевичъ. Но оказалось, что разрѣшеніе на посѣщеніе театра военныхъ дѣйствій въ Крыму имъ могли дать только въ Петербургѣ.

Осмотрѣвъ систему русскихъ укрѣпленій Варшавы и Модлина, американская военная миссія отправилась въ Петербургъ. Описывая свое путешествіе въ письмѣ домой, Макъ Клелланъ писалъ:

> «Дорога изъ Варшавы въ Петербугъ одна изъ лучшихъ въ мірѣ. Она вся мощеная. Вообразите себѣ ея длину: семьсотъ шестнадцать миль! Изъ-за блокады Балтійскаго моря, контактъ и торговля Россіи съ Европой сосредоточились здѣсь. Никогда я не видѣлъ такого движенія: дорога просто усѣяна ѣдущими туда и обратно. Сухопутный транспортъ такъ хорошо здѣсь налаженъ, что врядъ-ли Россія страдаетъ отъ блокады».

По дорогѣ въ Петербургъ американскіе офицеры осматривали Псковъ, который произвелъ на нихъ большое впечатлѣніе множествомъ церквей. И наконецъ они достигли русской столицы.

Макъ Клелланъ писалъ о Петербургѣ:

> «Это дѣйствительно великолѣпный городъ! Широкія улицы, величественныя зданія, чудесные дворцы! Здѣсь все превзошло мои ожиданія! Мы устроились въ отелѣ «Россія» съ большимъ комфортомъ: прекрасныя комнаты, замѣчательная ѣда, сколько угодно льда!»

Въ Петербургѣ американскую миссію принимали чрезвычайно радушно, американскимъ офицерамъ показали всѣ военныя сооруженія вокругъ столицы, и самъ царь пожелалъ ихъ видѣть. Но разрѣшенія посѣтить осажденный Севастополь имъ и здѣсь не дали. Защитникамъ Севастополя, въ считанные дни создавшимъ его оборону подъ дождемъ ядеръ и штуцерныхъ пуль, было не до посѣтителей, тѣмъ болѣе иностранныхъ. Объ этомъ они спеціально просили царя, чтобы не пускать въ Севастополь постороннихъ, не отрывать ихъ отъ спѣшной и отвѣтственной работы. Самъ царь объяснилъ это американскимъ офицерамъ, которые «не могли не почувствовать глубокаго уваженія къ такому вниманію царя къ просьбамъ его подданныхъ».

Въ Россіи американская миссія пробыла около двухъ мѣсяцевъ,

успѣвъ за это время, съѣздить въ Москву и осмотрѣть тамъ все, что ее могло интересовать съ военной точки зрѣнія.

Въ августѣ американскіе офицеры вернулись въ Берлинъ, оттуда рѣшили попасть въ Крымъ при помощи англичанъ. Черезъ Дрезденъ и Тріестъ, они были доставлены въ Константинополь, откуда, на первомъ паровомъ суднѣ, ихъ перевезли въ Балаклаву. Въ Турціи и въ Крыму американская миссія осматривала союзные лагери, кромѣ французскаго. На обратномъ пути, въ февралѣ, американскіе офицеры посѣтили Тулонъ, но и на этотъ разъ, французы разрѣшили имъ лишь поверхностный осмотръ ихъ кораблей и доковъ и не дали имъ возможности побесѣдовать съ команднымъ составомъ ихъ арміи.

Вернувшись въ Америку, Макъ Клелланъ составилъ докладъ о состояніи европейскихъ армій, объ осадѣ Севастополя, объ укрѣпленіяхъ Тотлебена и объ устройствѣ русской арміи. Въ 1861 году вышла его книга: «Арміи Европы», больше половины которой посвящено русской арміи. Матерьялы, собранные Макъ Клелланомъ, вошли также во всѣ американскіе военные учебники и были широко использованы во время гражданской войны въ США.

Въ книгѣ Макъ Клеллана интересно особое вниманіе, посвященное имъ описанію «русской иррегулярной конницы, казаковъ», организацію который Макъ Клелланъ рекомендуетъ использовать американцамъ въ ихъ борьбѣ противъ индѣйцевъ. Возможно, что въ составленіи главы о казакахъ, Макъ Клеллану помогъ его другъ, донской казакъ, полковникъ Турчаниновъ, сразу послѣ Крымской войны переселившійся въ Америку и принявшій участіе въ гражданской войнѣ США. Слишкомъ много въ этой главѣ такихъ подробностей, о которыхъ могъ знать только русскій.

Американскіе источники о Крымской войнѣ — довольно многочисленны и разнообразны. Нѣкоторые изъ нихъ появились въ свое время въ печати, но сейчасъ окончательно забыты, другіе — до сихъ поръ лежатъ въ рукописяхъ, въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ, и ждутъ своего историка. Къ такимъ неизданнымъ матерьяламъ принадлежатъ донесенія о Севастопольской оборонѣ американскихъ докторовъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ защитѣ знаменитой русской твердыни отъ союзныхъ армій Европы. Если американская военная миссія не смогла навѣстить защитниковъ Севастополя, а стрѣлкамъ штата Кентукки такъ и не удалось «испробовать американскихъ ружей на врагахъ русскаго царя», то зато смогли внести свою долю непосредственной помощи русскимъ героямъ тридцать молодыхъ американскихъ врачей, проникнувшись въ Крымъ, главнымъ образомъ, черезъ Одессу.

В это время, обязанности американскаго консула въ Одессѣ исполнялъ мѣстный негоціантъ, Ралли, русскій подданный греческаго происхожденія, какихъ было много на югѣ Россіи. Американскіе торговые

суда стали заходить въ Одессу съ 1810 года, и учрежденіе американскаго консульства въ этомъ важномъ русскомъ порту было совершенно необходимо. Въ 1831 году, Иванъ Ралли, прекрасно владѣвшій англійскимъ языкомъ и бывшій въ контактѣ съ Америкой благодаря своимъ коммерческимъ дѣламъ, смѣнилъ американскаго консула въ Одессѣ, Чарльза Ринга, и взялся за это отвѣтственное дѣло совершенно безвозмездно. Во время Крымской войны, Ралли оказалъ неоцѣнимыя услуги не только группѣ американскихъ врачей, пріѣхавшихъ въ Одессу, чтобы оттуда отправиться въ Крымъ, но и другимъ американцамъ, попавшимъ въ Одессу въ связи съ другого рода дѣлами. Независимо отъ Сеймура, Ралли посылалъ въ Вашингтонъ свои собственные доклады о ходѣ войны, о блокадѣ и бомбардировкѣ Одессы и другихъ портовъ Чернаго моря, пересылалъ въ США подробныя донесенія американскихъ докторовъ съ крымскаго театра военныхъ дѣйствій, исполняя ихъ частныя порученія и устраивалъ семейныя дѣла тѣхъ изъ нихъ, кто палъ жертвой эпидемій въ Крыму и на югѣ Россіи.

Первые американскіе хирурги, докторъ Кингъ изъ Южной Каролины и докторъ Драперъ изъ штата Массчузетсъ, прибыли въ Севастополь лѣтомъ 1854 года, къ самому началу военныхъ дѣйствій въ Крыму, и были свидѣтелями первыхъ бомбардировокъ Севастополя непріятелемъ. Кингъ былъ скоро переведенъ въ Симферополь, а въ Севастополь пріѣхалъ третій американскій врачъ, докторъ Турнипсидъ. До конца декабря, американскіе хирурги жили на сѣверной сторонѣ, а потомъ, по спеціальному распоряженію генерала Остенъ-Сакена, имъ была предоставлена квартира со всѣми удобствами въ домѣ генерала, въ самомъ Севастополѣ. Они работали на знаменитомъ перевязочномъ пунктѣ, устроенномъ въ Дворянскомъ Собраніи, «въ прекрасномъ зданіи, которое дѣлаетъ честь городу и является его главнымъ украшеніемъ», писали они въ Вашингтонъ. Съ начала осады Севастополя и до половины января 1855 года, Дворянское Собраніе употреблялось и для операцій. Операціонная была устроена въ билліардной, на билліардѣ лежали корпія и бинты, паркетъ былъ покрытъ корой засохшей крови, а въ танцевальномъ залѣ лежали сотни ампутированныхъ, стоны которыхъ смѣнили недавнюю музыку. Кромѣ солдатъ, на перевязочный пунктъ приносили женщинъ и дѣтей съ оторванными конечностями отъ бомбъ, которыя попадали въ Корабельную слободку, гдѣ жили семьи матросовъ.

Въ своихъ «Севастопольскихъ разсказахъ» Л. Н. Толстой так говоритъ о залѣ Дворянскаго Собранія послѣ одной изъ бомбардировокъ Севастополя:

> «Большая, высокая, темная зала, — освѣщенная только четырьмя или пятью свѣчами, съ которыми доктора ходили осматривать раненыхъ, — была буквально полна. Носильщики безпрестанно носили раненыхъ, складывали ихъ одинъ подлѣ другого на полъ, на которомъ, уже было такъ тѣсно, что несчастные тол-

кались и мокли въ крови другъ друга, и шли за новыми. Лужи крови, видныя на мѣстахъ не занятыхъ, горячечное дыханіе нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ и испаренія рабочихъ съ носилками производили какой-то особенно тяжелый, густой, вонючій смрадъ, въ которомъ пасмурно горѣли четыре свѣчи на различныхъ концахъ зала».

Другой участникъ осады Севастополя описываетъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, докторовъ, работавшихъ на этомъ главномъ перевязочномъ пунктѣ:

«Разъ я зашелъ въ гостиницу Шнайдера. Доктора съ главнаго перевязочнаго пункта прибѣгали сюда въ своихъ клеенчатыхъ фартукахъ, съ запекшейся кровью и присохшими кусками мяса, руки — точно въ перчаткахъ отъ засохшей крови и лоснятъ. Наскоро уничтожали какого-нибудь курченка этими-же руками и, облизывая окровавленные пальцы, снова спѣшили взяться за свою ужасную работу».

Въ ноябрѣ 1854 года, въ Севастополь пріѣхалъ докторъ Пироговъ съ корпорацiей хирурговъ и первыми русскими сестрами милосердія. Это была первая въ Европѣ организованная женская помощь на полѣ битвы. Черезъ годъ, появились сестры милосердія и въ англійской арміи, а затѣмъ, русскій опытъ былъ использованъ въ Америкѣ, во время гражданской войны въ США. Интересно отмѣтить, что одной изъ первыхъ американскихъ сестеръ милосердія на полѣ битвы, во время этой войны, была жена уже упоминавшагося русскаго полковника Турчанинова, ставшаго генераломъ въ американской Сѣверной арміи.

Въ огнѣ страшной Крымской кампаніи вырабатывались, на дѣлѣ, начала военно-полевой хирургіи и создавалась Пироговымъ научная военно-медицинская доктрина. «Я замѣтилъ», вспоминалъ впослѣдствіи Пироговъ: «что не одни наши, но и чужестранные врачи, поступившіе къ намъ на службу въ Крымскую войну, нѣмцы и американцы, также не твердо знали азбуку хирургіи». Это заставило Пирогова издать свой трудъ: «Начало военно-полевой хирургіи», не только по-русски. Впослѣдствіи, по принципамъ Пирогова учились американскіе медики въ Филадельфіи, и по методу знаменитого русскаго хирурга дѣлалъ свои операціи американскій докторъ Гьюсонъ.

Въ началѣ декабря 1854 года, Пирогова начало тревожить огромное скопленіе раненыхъ въ Крыму и безпорядки въ траспортѣ, которые могли вызвать эпидеміи. Въ одномъ изъ писемъ домой, Пироговъ писалъ:

«Если подумаешь, что въ Севастополѣ англичане не хоронятъ ихъ мертвыхъ, зарывая только на аршинъ, что кругомъ на воздухѣ гніютъ внутренности убитыхъ животныхъ, вездѣ вокругъ лежитъ падаль, да если еще къ этому начнутся весной жары, то весь край будетъ въ опасности заразиться».

Предсказанія Пирогова не замедлили исполниться. На Рождество, въ Севастополѣ умеръ отъ тифа одинъ изъ русскихъ докторовъ, а въ Симферополѣ заболѣло тифомъ восемь сестеръ милосердія. 13-го января 1855 года, Пироговъ записалъ:

> «Прибыли сестры второго отдѣленія. Сестры перваго всѣ переболѣли, три умерли».

Въ серединѣ января, изъ Симферополя въ Севастополь пріѣхалъ докторъ Кингъ, навѣстить заболѣвшаго тифомъ коллегу, Турнипсида. Турнипсидъ былъ первымъ изъ американскихъ хирурговъ, заболѣвшій тифомъ и одинъ изъ немногихъ — выжившій. Вскорѣ Кинга перевели изъ Симферополя въ Керчь. Эпидемія тифа разгоралась. Въ февралѣ, въ Севастополѣ заболѣло тифомъ четверо врачей и шесть сестеръ. Въ мартѣ двѣ сестры умерли. 6-го марта Пироговъ писалъ:

> «Я говорилъ, что если не предпримутъ мѣръ, то разовьется тифъ — онъ и развился. Врачи, сестры то и дѣло что хворають и нѣкоторые, разумѣется, умираютъ».

25-го марта, по донесенію Пирогова: «Врачей почти цѣлая половина лежатъ — больны...» А въ апрѣлѣ, онъ сообщаетъ: «Врачи всѣ переболѣли, многіе на моихъ глазахъ перемерли. У всѣхъ былъ тифъ. Я самъ прохворалъ четыре недѣли».

Тифъ настигъ Кинга въ Керчи. Среди американскихъ врачей это была первая жертва. Онъ умеръ 19-го марта, а на слѣдующій день, въ Севастополѣ скончался отъ того-же тифа его другъ, Драперъ.

Кингъ, молодой многообѣщающій американскій докторъ, умиралъ въ Керчи одинъ, далеко отъ родины и близкихъ. Но больного американца взяла подъ свое покровительство православная община русской церкви. Когда его хоронили, клиръ церкви въ полномъ составѣ проводилъ его останки до могилы, и погребеніе американскаго доктора состоялось, повидимому, по православному обряду. Сообщая о смерти Кинга его роднымъ въ Чарлстонѣ, Сеймуръ переслалъ имъ письмо съ соболѣзнованіемъ отъ имени русскаго правительства, а Ралли взялъ на себя хлопоты по пересылкѣ въ США бумагъ и вещей покойнаго. Обычно, пріѣзжая въ Одессу, американскіе врачи оставляли часть своихъ вещей у Ралли. Вещи Кинга въ Керчи погибли во время занятія города французами и уцѣлѣло лишь то, что было имъ оставлено въ Одессѣ.

Русское правительство выплатило причитавшееся покойнымъ жалованіе роднымъ Кинга и Драпера въ Америкѣ и, согласно желанію семьи послѣдняго, тѣло Драпера было перевезено за океанъ въ родной Массачузетсъ.

Съ 28-го марта до 8-го апрѣля 1855 года, Севастополь подвергался непрерывной бомбардировкѣ, и за это время врачамъ пришлось сдѣлать однихъ ампутацій до пятисотъ. Вмѣсто погибшаго Драпера, донесенія изъ Севастополя писалъ другой американскій хирургъ, Вайт-

хэдъ. Вмѣстѣ съ нимъ, въ Севастополь пріѣхало еще нѣсколько молодыхъ американскихъ хирурговъ.

Въ концѣ апрѣля, въ Севастополь пришли подкрѣпленія. Вокругъ Севастополя и въ немъ стояло уже больше ста тысячъ русскаго войска. 14-го мая Пироговъ писалъ, что за два дня и двѣ ночи было двѣ тысячи раненыхъ и восемьсотъ убитыхъ русскихъ, а у непріятеля — вдвое больше. Черезъ нѣсколько дней, Вайтхэдъ сообщалъ Ралли, что послѣ сраженія 26-го мая, русскіе потеряли ранеными и убитыми десять тысячъ. Въ маѣ, въ Крыму началась жара и вмѣстѣ съ ней, на смѣну тифу пришла эпидемія холеры. Молодой американскій врачъ изъ Миссисипи, Макъ Милланъ, заболѣлъ въ Севастополѣ этой страшной болѣзнью и въ теченіе шести часовъ умеръ. Слѣдующей жертвой холеры оказался американскій докторъ Никльсъ, работавшій въ Херсонѣ. Затѣмъ въ Симферополѣ умерли одинъ за другимъ: докторъ Джонсъ изъ Мэриланда, Дайнингеръ изъ Пенсильваніи, Маршаллъ изъ Калифорніи и Кларкъ изъ Нью Іорка. Тамъ-же заболѣлъ холерой американскій врачъ, Стоддадъ, но вылѣчился и уѣхалъ въ Берлинъ. Черезъ нѣкоторое время, коллеги Стоддарда въ Симферополѣ были поражены неожиданнымъ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ Стоддарда въ Берлинѣ.

Одинъ изъ русскихъ участниковъ Крымской кампаніи такъ писалъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, о иностранныхъ врачахъ, принятыхъ, во время Крымской войны, на русскую службу:

> «Незнаніе языка и существующихъ положеній, по незнанію медицинской администраціи и средствъ нашихъ учрежденій, а также отношеній и быта солдатъ — всѣ они могли быть терпимы только въ госпиталяхъ, гдѣ легче обходилась замѣна одного медика другимъ, или гдѣ слабѣйшій могъ трудиться подъ руководствомъ опытнѣйшаго. Въ полевыхъ-же войскахъ, если они и поступали, то, убѣдившись въ своей несостоятельности, скоро перепрашивались въ госпиталя».

Къ врачамъ изъ Америки это свидѣтельство не относится. Они оставались на своихъ постахъ подъ ядрами и пулями въ осажденномъ Севастополѣ. Ихъ можно найти не только въ Симферополѣ и Керчи, но и въ Херсонѣ, Николаевѣ и даже въ Кременчугѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ, докторъ Хартъ изъ штата Теннеси, умеръ от черной оспы. Одинъ изъ американскихъ докторовъ, докторъ Брайли изъ Балтиморы, былъ награжденъ русскими орденами и остался работать на югѣ Россіи и въ Бессарабіи и послѣ войны[2]. Другой, докторъ Боствикъ, съ успехомъ работалъ въ качествѣ полкового врача въ одномъ изъ русскихъ гу-

---

[2] Въ Балтиморѣ до сихъ поръ хранятся письма Брайли изъ Измаила съ описаніемъ жизни этой глухой бессарабской провинціи, а также его фотографія, снятая въ Петербургѣ, на которой американскій докторъ изображенъ въ русскомъ военномъ мундирѣ.

сарскихъ полковъ въ Крыму, откуда, послѣ войны, благополучно вернулся на родину.

Больше половины этихъ самоотверженныхъ молодыхъ американцевъ отдали свою жизнь, оперируя раненыхъ подъ обстрѣломъ въ Севастополѣ и борясь съ эпидеміями въ госпиталяхъ Южной Россіи. Въ своихъ воспоминаніяхъ Андрю Вайтъ описываетъ, какъ Сеймуръ пытался выхлопотать американскимъ врачамъ, оставшимся въ живыхъ, досрочное освобожденіе отъ ихъ опасной службы и какъ онъ, получая очередное увѣдомленіе о смерти кого либо изъ этихъ юношей, возвращался изъ русскаго военнаго министрества со слезами на глазахъ.

Нейтралитетъ не позволялъ американцамъ оказывать болѣе активную помощь Россіи на фронтѣ, въ Крыму. Иначе обстояло дѣло на фронтѣ экономическомъ, въ тылу. Тамъ, во время Крымской войны, для «американскаго генія и предпріимчивости» открылись большія возможности. Осенью, 1854 года, Сеймуръ писалъ въ Вашингтонъ:

> «Послѣ войны, нашимъ гражданамъ легко будетъ заключить контракты съ Россіей для снабженія ея машинами, пароходами и даже углемъ. Торговля льномъ тоже попадетъ исключительно въ американскія руки».

Но и до окончанія войны нашлась работа американскимъ механикамъ на Петербургско-Московской желѣзной дорогѣ. Въ 1854 году тамъ работали люди американца Вайненса и Ко., а въ 1855 году еще пятнадцать механиковъ пріѣхали изъ Америки и были приняты на желѣзнодорожныя работы. Вскорѣ, Сеймуръ спѣшилъ сообщить, что въ департаментѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ произошли крупныя перемѣны: глава департамента, графъ Клейнмихель, вышелъ въ отставку, и открылись новыя возможности для американцевъ, въ связи съ предполагаемымъ увеличеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Позже, для усиленнаго производста рельсъ, понадобились спеціалисты по выплавкѣ стали на антрацитѣ, въ сталелитейныхъ заводахъ Донецкаго каменноугольнаго бассейна. Русское правительство поручило это дѣло частной кампаніи. Одинъ изъ участниковъ предпріятія, Николай Перозо, вошелъ въ контактъ съ американскимъ посольствомъ въ Петербургѣ, заявивъ, что ему нужны спеціалисты изъ Америки, т. к. только тамъ практикуется выплавка стали на антрацитѣ.

Сеймуръ сообщалъ, также, въ Вашингтонъ о томъ, что посольствомъ получено письмо отъ товарищества Днѣпровскаго низового пароходства съ заказомъ на постройку въ Америкѣ рѣчныхъ пароходовъ. Заказы на пароходы шли въ Америку изъ Сибири, для Тихаго океана и рѣки Амуръ. Тамъ, при болѣе тѣсномъ контактѣ, русско-американская дружба во время Крымской войны проявила себя еще болѣе интенсивно.

Губернаторъ Восточной Сибири, графъ Н. Н. Муравьевъ, горячій сторонникъ русскаго сближенія съ Америкой, въ 1854 году отправилъ

въ Америку капитана Казакевича для заказа пароходовъ и винтовыхъ корветовъ. Одинъ изъ военныхъ пароходовъ был выстроенъ для Россіи въ Нью Іоркѣ, названъ «Америкой» и подъ американскимъ флагомъ и подъ командой американскаго капитана, Гудзона, былъ отправленъ въ Россію вмѣстѣ съ другими пароходами кругомъ мыса Горнъ. По дорогѣ, въ Ріо де Жанейро, англичане хотѣли ихъ задержать, но рѣшительный протестъ капитана Гудзона возымѣлъ свое дѣйствіе, и пароходы, заказанные Казакевичемъ, благополучно прибыли, подъ прикрытіемъ американскаго флага, въ устье Амура. Послѣ войны, адъютантъ великаго князя Константина, лейтенантъ Буайе, былъ посланъ въ Америку присутствовать при прокладкѣ электрическаго кабеля между Америкой и Европой. Онъ былъ назначенъ на американское военное судно «Ніагара», командиромъ котораго былъ тотъ самый капитанъ Гудзонъ, который во время Крымской войны спасъ отъ англичанъ русскіе пароходы, выстроенные въ Америкѣ[3].

При поддержкѣ графа Муравьева, американцамъ удалось, во время Крымской войны, послать на Амуръ своего торговаго представителя и основать тамъ торговыя базы. Послѣ успѣшнаго устройства американскихъ дѣлъ въ Персіи, на долю Сеймура выпало исполнить это, еще болѣе трудное заданіе. Въ Вашингтонѣ настаивали на учрежденіи въ устьѣ Амура офиціальнаго американскаго консульства, что было невозможно, т. к. Амурскій край былъ еще на военномъ положеніи. Пока Сеймуръ выяснялъ возможности и нащупывалъ почву для первыхъ шаговъ, чтобы добиться назначенія хотя бы американскаго торговаго агента въ Амурскій край, правительство США уже назначило въ эту область консула Коллинса, родомъ изъ Калифорніи, который явился въ Петербугъ въ сопровожденіи мистера Пейтона изъ Вирджиніи, прежде чѣмъ Сеймуръ успѣлъ что-либо выяснить въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Къ счастью, въ это время въ Петербургъ пріѣхалъ самъ графъ Муравьевъ. Съ его помощью, удалось устроить полу-офиціальную поѣздку американских представителей на Амуръ, гдѣ вскорѣ были основаны первыя американскія торговыя базы. Въ 1860 году, на Амурѣ было уже семь американскихъ торговыхъ домовъ, но все еще не было генеральнаго консула и тотъ-же Коллинсъ все еще состоялъ въ званіи торговаго представителя. Но послѣ пораженія Россіи въ Крымской войнѣ, международная обстановка такъ складывалась, что иначе нельзя было поступить. Зато, взамѣнъ офиціальныхъ привилегій, американцы пользовались негласнымъ, но еще болѣе выгоднымъ, покровительствомъ русскихъ властей въ Восточной Сибири.

Въ заключеніе, интересно отмѣтить любопытный эпизодъ, имѣв-

---

[3] Въ 1858 году, капитанъ Гудзонъ, въ качествѣ почетнаго гостя, присутствовалъ при спускѣ винтового фрегата «Генералъ-Адмиралъ», заказаннаго Россіей Америкѣ и произнесъ рѣчь отъ имени моряковъ США.

шій мѣсто въ Санъ-Франциско въ связи съ окончаніемъ Крымской войны. Эпизодъ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ какъ бурно проявлялись симпатіи американцевъ къ русскимъ въ Калифорніи и на Тихомъ океанѣ. Послѣ паденія Севастополя, англичане и французы, жившіе въ Санъ-Франциско, рѣшили торжественно отпраздновать это радостное для нихъ собатіе, но на пышный праздникъ, ими устроенный, не пришелъ ни одинъ американецъ. Наоборотъ, въ день ихъ праздника, въ русское консульство въ Санъ-Франциско явилась депутація американцевъ во главѣ съ бывшимъ губернаторомъ Калифорніи, Макъ-Дугалемъ. Американцы заявили русскому консулу, что они не только отказались присутствовать на праздникѣ враговъ Россіи, но рѣшили выразить имъ протестъ и устроить со своей стороны демонстрацію. Они упросили русскаго консула дать имъ русскій флагъ, чтобы соединить его съ американскимъ и нести оба флага во главѣ демонстраціи.

Вечеромъ, когда у побѣдителей Россіи шелъ пиръ горой, у дверей русскаго консульства раздался барабанный бой и громкое «ура»! Всѣ окрестныя улицы были залиты народомъ. Толпа американцевъ несла флаги: русскій и американскій, привязанные къ одному древку и увитые цвѣтами. Демонстранцы остановились возлѣ русскаго консульства, чтобы выразить свое сочувствіе и симпатію русскому народу. Въ пламенныхъ рѣчахъ, подъ громкіе одобрительные крики, американцы выражали пожеланіе, какъ сообщаетъ одинъ изъ очевидцевъ происшествія:

> «чтобы два народа, такъ сходные по своей молодости, по своей силѣ, по стремленію къ существованію, наконецъ поставленные въ такое счастливое положеніе, что личные ихъ интересы никогда не могутъ столкнуться, всегда были бы такъ же тѣсно соединены между собой, какъ теперь тѣсно связаны ихъ флаги!»

Высказывалось еще много радушнаго пламенными ораторами въ этотъ радостный для русскихъ и американцевъ вечеръ, когда оба народа слились въ одномъ чувствѣ симпатіи другъ къ другу. Чувства выражались, также, жестами и «пожатія рукъ были краснорѣчивѣе словъ». Ораторовъ не разъ вызывали на балконъ и громко имъ апплодировали.

Наконецъ, наэлектризованная рѣчами демонстрантовъ толпа «съ неистовыми криками бросилась къ павильону, гдѣ пировали еще англичане и французы, и ринулась на несчастное зданіе». Произошла драка, во время которой павильонъ настолько пострадалъ, что отъ него остались одни щепки. Друзья Россіи дрались до разсвѣта, было не мало раненыхъ съ обѣихъ сторонъ, но американцы и русскіе были довольны: честь побѣжденной Россіи была поддержана на дружественной территоріи Соединенныхъ Штатовъ.

Контръ-адмиралъ Ю. К. Старкъ

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІИ

(Продолженіе)

Канонерская лодка «Магнитъ» еще до событій 1-11 іюня, совершенно готовая къ походу на сѣверъ, продолжала стоять на рейдѣ Владивостока, ожидая приказанія объ отходѣ со дня на день. Задержка происходила вслѣдствіе неготовности гражданской администраціи и отсутствія воинскаго отряда, способного замѣнить неудовлетворительный гарнизонъ Петропавловска, а также изъ-за недостатка средствъ на общіе расходы по операціи. По моему плану, уходъ «Магнита» долженъ былъ явиться началомъ всей Камчатско-Охотской операціи, для которой я предназначалъ «Магнитъ», «Батарею», «Охотскъ» и 2 парохода Добровольнаго флота.

Совершенно неожиданно для меня Правительство, не находя еще достаточныхъ средствъ для начала Камчатско-Охотской операціи, рѣшило использовать готовый къ плаванію «Магнитъ» для другой цѣли.

Дѣло было въ томъ, что Управленіе Дѣлами Добровольнаго флота во Владивостокѣ обратилось къ Правительству съ просьбой о посылкѣ военнаго корабля въ китайскій портъ Чифу, для приведенія въ повиновеніе взбунтовавшейся противъ капитана парохода «Ставрополь» команды и для конвоированія парохода во Владивостокъ.

Я лично не сочувствовалъ этой операціи, считая дѣйствія военнаго корабля непризнанной державы въ чужомъ порту весьма рискованными, не надѣясь на успѣхъ и не видя такой цѣнности для насъ въ увеличеніи судового состава Добровольнаго флота на одинъ пароходъ, которая оправдывала бы рискъ и расходы. Но Правительство настаивало, и въ результатѣ «Магнитъ» былъ посланъ въ Чифу съ категорическимъ предписаніемъ занять «Ставрополь» военнымъ карауломъ, арестовать зачинщиковъ бунта и доставить пароходъ во Владивостокъ.

28 іюня «Магнитъ» вышелъ изъ Владивостока, и на разсвѣтѣ 5-го іюня вошелъ въ портъ Чифу, гдѣ немедленно ошвартовался къ борту «Ставрополя», высадивъ на него караулъ. Къ сожалѣнію, часть команды «Ставрополя» съ однимъ изъ помощниковъ, успѣла бѣжать въ шлюпкѣ на берегъ, гдѣ предупредила китайскихъ властей о приходѣ и намѣреніяхъ «Магнита». Явившіеся таможенныя и портовыя власти (англичане на китайской службѣ), требовали сначала выхода корабля изъ гавани, въ виду несоблюденія имъ формальностей, но, ознакомив-

шись съ особенностями порученія даннаго «Магниту», разрѣшили ему оставаться въ гавани. Выяснилось также, что «Ставрополь» въ отношеніи таможни чистъ къ выходу изъ гавани.

Однако, дальнѣйшіе переговоры командира съ мѣстнымъ китайскимъ губернаторомъ выяснили, что китайцы считаютъ приходъ «Магнита» безъ предупрежденія, нарушеніемъ суверенитета Китая, что «Ставрополь» они не выпустятъ, а, наоборотъ, требуютъ ухода «Магнита» въ 24-хъ часовой срокъ.

Послѣ этого, к-ру «Магнита» было прислано увѣдомленіе и отъ портовыхъ властей, что, вслѣдствіе распоряженія губернатора, «Ставрополь» не можетъ быть выпущенъ изъ порта. Въ виду наличія на рейдѣ двухъ китайскихъ крейсеровъ и предупрежденія, полученнаго командиромъ отъ лояльнаго управленія мѣстнаго Агента Добровольнаго флота въ томъ, что всѣ китайскіе чиновники на берегу подкуплены большевиками и настроены крайне враждебно къ «Магниту», командиръ послѣдняго, лейтенантъ Дрейеръ, снялъ караулъ со «Ставрополя» и въ полночь вышелъ съ рейда. Враждебность китайской администраціи получила подтвержденіе въ томъ, что ими былъ арестованъ к-ръ «Ставрополя», при съѣздѣ его на берегъ и въ томъ, что по снятію нашего караула со «Ставрополя», туда былъ немедленно присланъ взводъ китайскихъ солдатъ съ пулеметомъ.

11 іюля «Магнитъ» вернулся во Владивостокъ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, безполезный походъ въ 2.290 миль. Можно считать, что въ этой операціи командиромъ «Магнита» не было проявлено исключительной рѣшительности, но и допустимо также, что если бы лейтенантъ Дрейеръ дѣйствовалъ абсолютно не считаясь съ требованіями китайцевъ, послѣдствія для корабля были бы очень печальны. Поэтому я не счелъ возможнымъ винить командира за неудачную операцію, отнеся всю отвѣтственность на долю неправильнаго освѣщенія обстановки, данной Управленіемъ Добровольнаго флота.

Обзоръ операцій и походовъ, выполненныхъ кораблями флотиліи за разсматриваемый перідоъ, устанавливаетъ, такимъ образомъ, очень оживленное движеніе всѣхъ находившихся въ строю судовъ. Нужно сказать, что всю эту службу выполнялъ личный составъ, получавшій изрѣдка ничтожныя пособія, вмѣсто положеннаго содержанія, одѣтый ниже всякой критики, плохо питаемый за недостаткомъ средствъ. При этомъ корабли, не всегда имѣвшіе должный ремонтъ и снабженіе для плаванія, зачастую терпѣли поломки механизмовъ въ морѣ и иногда оказывались въ опасномъ положеніи.

Личный составъ дѣйствительно дѣлалъ все что могъ безропотно и съ полной самоотверженностью. Чтобы нѣсколько вознаградить команду судовъ за службу, я обратился къ Предсѣдателю Правительства со слѣдующимъ секретнымъ рапортомъ:

11-го іюля 1922 г. *Секретно.*

ПРЕДСѢДАТЕЛЮ ВРЕМЕННАГО ПРИАМУРСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

РАПОРТЪ

Въ подтвержденіе моихъ словесныхъ докладовъ вновь докладываю Вашему Превосходительству о необходимости теперь же изыскать средства для оплаты жалованія за 1 мѣсяцъ всѣмъ военно-служащимъ ввѣренной мнѣ Флотиліи.

Со времени послѣдней выдачи небольшой суммы въ счетъ жалованія (около 50 проц. мѣсячнаго оклада) передъ Пасхой прошло три мѣсяца.

За это время обмундированіе износилось окончательно, у каждаго накопились самыя неотложныя нужды, которыя удовлетворить нечѣмъ. Въ то же время появились причины, возбуждающія недовольство въ командахъ. За время событій съ 1 по 11 іюня бунтовавшія части получили отъ своихъ главарей деньги и открыто хвастались передъ матросами этимъ.

Чины Флотиліи, за исключеніемъ Дессантной Роты, стоявшей въ караулѣ въ домѣ Правительства, не получили ничего въ счетъ жалованія. Исключеніе, сдѣланное для Дессантной Роты и нѣкоторыхъ кораблей, предназначавшихся для дальнихъ походовъ, усугубляютъ недовольство.

На почвѣ этого недовольства, при общей полной обездоленности, началось усиленное заявленіе, пока еще одиночныхъ претензій, на которыя командиры не имѣютъ отвѣта. Развилась наглость вербовщиковъ-провокаторовъ, вербующихъ къ мифическимъ Чжанъ-за-Линамъ и Унгернамъ и одиночное бѣгство съ Флотиліи лучшаго элемента командъ — мессопотамцевъ.

Докладываю о такихъ симптомахъ совершенно откровенно, ибо не привыкъ скрывать правду. Все это еще не отражается ни на службѣ ни на боеспособности Флотиліи, такъ какъ самоотверженныя усилія офицерства и лучшихъ частей командъ еще довлѣютъ надъ настроеніями, порождаемыми отчаянными условіями существованія, но не нужно забывать, что Флотилія, нарушившая въ корнѣ всѣ планы большевиковъ и большевиствующихъ, со времени послѣднихъ событій является объектомъ напряженнѣйшихъ усилій мѣстныхъ коммунистовъ, направленныхъ къ развалу ея личнаго состава. До сихъ поръ всѣ эти усилія абсолютно тщетны, и таковыми, надо надѣяться, будутъ и впредь, но никто не можетъ угадать момента, въ который психологія массъ совершаетъ свой переломъ, переходитъ предѣлъ моральной упругости, — и, тогда возврата нѣтъ.

Маленькое поощреніе въ наше время въ видѣ удовлетворенія ми-

нимальныхъ потребностей составляетъ надежный щитъ противъ всякихъ тлетворныхъ вліяній, посему усердно ходатайствую, чтобы данное мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ и неоднократно подтвержденное обѣщаніе о выплатѣ мѣсячнаго оклада жалованія военно-служащимъ чинамъ Флотиліи было исполнено по возможности теперь же.

На сіе требуется отпускъ **пятнадцати тысячъ** рублей.

П. п. контръ-адмиралъ Старкъ.

Рапортъ этотъ свидѣтельствуетъ сколь нелегко было въ то время выхлопотать для строевыхъ чиновъ Флотиліи жалованіе за одинъ мѣсяцъ. Просьба моя, на этотъ разъ, была уважена.

Въ началѣ іюля, въ стремленіи добиться планомѣрности въ работѣ Флотиліи, я вновь подалъ Командующему Войсками и Флотомъ оперативный докладъ, въ которомъ представилъ нѣсколько видоизмѣненный планъ Охотско-Камчатской операціи и настаивалъ на скорѣйшемъ осуществленіи его, а также на необходимости, удерживая Ольгу, срочно приступить къ очисткѣ побережья Татарскаго пролива отъ красныхъ.

Въ подкрѣпленіе этого доклада, 6 іюля я подалъ генералу Дитерихсу слѣдующій докладъ:

КОМАНДУЮЩІЙ
СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІЕЙ
6 іюля 1922 г.
№ 481/оп.
г. Владивостокъ

Секретно.

ДОКЛАДЪ

Въ дополненіе къ моему оперативному докладу отъ 3-го сего іюля за № 470/оп., считаю необходимымъ добавить слѣдующія мои соображенія, указывающія на необходимость самаго срочнаго исполненія намѣченной и принципіально одобренной Вашимъ Превосходительствомъ операціи.

Въ послѣднемъ донесеніи К. Р. Штаба флотиліи, въ которомъ приводятся инструкціи, полученныя приморскими коммунистами отъ центра, имѣется слѣдующій абзацъ: «Раіоннымъ десятникамъ приказано: поставить всѣхъ членовъ партіи въ извѣстность о необходимости прекратить всякую агитацію противъ японцевъ и въ раіонѣ расположенія японскихъ войскъ впредь ничего не предпринимать.

Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ японскихъ войскъ нѣтъ и, въ частности, въ раіонѣ Св. Ольги, со стороны партизанскихъ отрядовъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ будутъ предприняты активныя дѣйствія.

Приказано всѣмъ коммунистамъ, обратить особое вниманіе на Каппелевскую армію, содѣйствовать всѣми силами тому, чтобы тамъ началось броженіе».

Сіе указываетъ на то, что начавшіяся около Ольги стычки не случайность, а слѣдствіе начатаго и проводимаго въ жизнь коммунистами плана, и что слѣдуетъ ожидать вскорѣ сильнаго нажима на Ольгу. Единственнымъ правильнымъ, съ моей точки зрѣнія, пріемомъ для парализованія этого плана красныхъ и для перехода инціативы дѣйствій въ наши руки, былъ бы немедленный разгромъ красныхъ въ Тетюхэ и по всему побережью до Императорской Гавани.

Съ этимъ надо торопиться еще и потому, что есть опасность, что не сегодня-завтра начнутся новые переговоры Читы съ Японцами, тогда корабли съ дессантомъ могутъ не выпустить изъ Владивостока; для насъ же при всякой стадіи переговоровъ и при всякомъ политическомъ и военномъ положеніи Владивостока важно имѣть побережье въ своихъ рукахъ.

Сейчасъ есть нѣсколько пунктовъ занятыхъ нами, а именно: Петропавловскъ на Камчаткѣ, Охотское побережье, Ольга, устье рѣки Сучана и Владивостокскій раіонъ. Надо сдѣлать такъ, чтобы части побережья, лежащія между этими пунктами, были бы какъ можно скорѣе въ нашихъ рукахъ. Тогда краснымъ будетъ труднѣе сговариваться съ Японцами, а послѣднимъ будетъ труднѣе не платить въ нашу казну причитающихся ей сборовъ.

П. П. Контръ-адмиралъ Старкъ
Нач. Штаба, Кап. 1 р. Ѳоминъ

Флагъ-капитанъ по Операт. части, Кап. 2 р. Гарковенко.

Въ результатѣ этихъ докладовъ было рѣшено: 1) — ускорить отправку к/л. «Магнитъ» въ плаваніе на Камчатку на три мѣсяца, т. е. до конца Октября. 2) — Подготовить и отправить туда же, на пароходѣ Добровольнаго флота, новый гарнизонъ и новую администрацію, а также запасы угля и продовольствія. 3) — Срочно подготовить и выслать отрядъ изъ 4-хъ кораблей съ достаточнымъ дессантнымъ отрядомъ для разгрома красныхъ, упорядоченія дѣла охраны рыбныхъ и лѣсныхъ промысловъ и укрѣпленія власти Правительства на побережьи къ сѣверу отъ Ольги, и 4) — по выполненіи послѣдней операціи снарядить отправку на побережьѣ Охотскаго моря вновь формировавшагося для дѣйствій въ Якутской области, отряда ген. Пепеляева.

Въ порядкѣ осуществленія этого плана, 14 іюля мною былъ отданъ слѣдующій оперативный приказъ № 570.

Секретно-оперативно.

ПРИКАЗЪ
КОМАНДУЮЩАГО СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛІЕЙ
№ 570

14 іюля 1922 г.
р. Владивостокъ.

Приказаніемъ Командующего Войсками и Флотомъ Вр. Приамурскаго Правительства, сообщеннаго въ надписи его Начальника Штаба отъ 10 сего іюля за № 0928/оп., на меня возложена задача организаціи и общаго руководства операціей, имѣющей цѣлью очищеніе отъ красныхъ побережья въ раіонѣ Тетюхэ — Императорская Гавань, и возстановленія нормальнаго государственнаго порядка въ этомъ раіонѣ.

Въ составъ отряда, назначеннаго для операціи, кромѣ тѣхъ силъ, кои будутъ выдѣлены во исполненіе этого приказанія изъ состава ввѣренной мнѣ флотиліи, Командующимъ Войсками и Флотомъ назначены: рота резерва милиціи — 100 штыковъ и рота пограничной стражи — 100 штыковъ.

Во исполненіе вышеуказаннаго, приказываю:

Сформировать экспедиціонный отрядъ въ составѣ:

1. Кораблей: к/л. «Батарея», к/л. «Илья Муромецъ», всп. кр. «Лей-Дыдымовъ» и тр. «Охотскъ».

2. Отдѣльнаго экспедиціоннаго батальона изъ трехъ ротъ:

а. Рота Морскихъ Стрѣлковъ .... 100 шт.
б. Рота Резерва Милиціи (Егерск. полкъ) ...... 100 шт.
в. Рота Пограничной Стражи .... 100 шт.

Назначаю Начальникомъ Экспедиціоннаго отряда Начальника моего Штаба, капитана 1 р. Фомина, Командиромъ Отдѣльнаго Экспедиціоннаго Батальона, Командира Отдѣльной Роты Морскихъ Стрѣлковъ Подполковника Цимбалова, съ подчиненіемъ послѣдняго во всѣхъ отношеніяхъ Начальнику Экспедиціоннаго Отряда — обоихъ съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ.

Предоставляю Начальнику Экспедиціоннаго Отряда на время похода права младшаго флагмана, согласно ст. ст. 119-130 кн. X Св. Мор. Пост. изд. 1914 г.

Начальнику Экспедиціоннаго Отряда поднять брейдъ-вымпелъ Штабъ-Офицера, Командующаго отрядомъ судовъ на к/л. «Батарея» съ момента выхода съ Владивостокскаго рейда и нести его во время похода до возвращенія на Владивостокскій рейдъ.

Отряду выступить въ походъ въ кратчайшій срокъ.

П. п. Контръ-адмиралъ Старкъ.

Вслѣдствіи неготовности сухопутныхъ частей дессантнаго отряда, не получившихъ своевременно обмундированія, Экспедиціонный отрядъ вышелъ въ море лишь 20-го іюля, причемъ назначенная въ походъ рота пограничниковъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, въ походъ не выступила, а рота егерей оказалась далеко не въ полномъ составѣ. Такимъ образомъ, силы дессантнаго отряда были уменьшены на половину.

Отданный одновременно съ приказомъ объ экспедиціи приказъ Командующаго Войсками о немедленной эвакуаціи Ольги совершенно разстраивалъ весь планъ, ибо отряду въ 170 чел. надлежало теперь выполнить задачу, бывшую не по силамъ вдвое сильнѣйшему гарнизону Ольги, всѣ дѣйствія котораго въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ свелись лишь къ оборонѣ поселка Ольги. Описаніе дѣйствій Экспедиціоннаго отряда приведу позднѣе. Нужно отмѣтить, что распоряженіе объ эвакуаціи Ольги, столь несвоевременное, являлось слѣдствіемъ крайняго моральнаго утомленія войскъ гарнизона и полной невозможности послать ему смѣну; до такой степени упала къ этому времени дисциплина въ арміи.

Вотъ одинъ изъ приказовъ Командующаго войсками и флотомъ, относящійся до того времени и являющійся нагляднымъ доказательствомъ только что сказаннаго:

Секретно-Срочно.

ПРИКАЗЪ

Войскамъ и Флоту Вр. Приамурскаго Правительства.

19 іюля 1922 г. № 98/А Г. Владивостокъ.

Ввиду поступавшихъ ко мнѣ донесеній о переутомленіи Сибирскаго казачьяго полка и Амурскаго казачьяго дивизіона службой въ деревнѣ Кневичи, мною было приказано Комкору I смѣнить названныя части и по оперативнымъ соображеніямъ размѣстить ихъ въ Раздольномъ, куда перевести и ихъ хозяйственныя части изъ Владивостока.

Вызывающійся этимъ распоряженіемъ расходъ въ 200 р. за казарменныя приспособленія былъ отпущенъ мною въ распоряженіе Комкора I.

Командиръ Амурскаго казачьяго дивизіона, Полковникъ Рубиновъ, уклоняясь отъ точнаго выполненія моего оперативнаго приказа, позволилъ себѣ возбудить въ незаконномъ порядкѣ ходатайство о перемѣщеніи дивизіона во Владивостокъ, за что и былъ отрѣшенъ мною отъ командованія.

Сегодня я узналъ, что Полковникъ Рубиновъ, преступно возмутивъ Амурскій дивизіонъ, отказался отъ слѣдованія въ Раздольное и рѣшилъ двинуться во Владивостокъ. Попытка возмутить къ тому же неповиновенію Сибирскій казачій полкъ не удалась, и названный полкъ, за исключеніемъ командира полка, Полковника Солнцева, направился, какъ честная и доблестная воинская часть, въ Раздольное, во исполненіе

оперативнаго приказа. Полковникъ Солнцевъ, повидимому, примкнулъ къ мятежной толпѣ Полковника Рубинова.

Вслѣдствіе сего приказываю:

А. Комкору 3:

1) — не допустить мятежниковъ во Владивостокъ и, разоруживъ, водворить ихъ въ Раздольное.

2) — полковника Рубинова и Солнцева арестовать и доставить въ Раздольное.

Б. Комкору I срочно передать дѣло о полковникахъ Рубиновѣ и Солнцевѣ военному слѣдователю для производства дознанія въ срочномъ порядкѣ. Въ отношеніи всего Амурскаго казачьяго дивизіона произвести дознаніе на предметъ выдѣленія зачинщиковъ и передачѣ о нихъ дѣла также военному слѣдователю.

В. Коменданту крѣпости Владивостокъ также въ срочномъ порядкѣ произвести дознаніе о причинахъ невыполненія хозяйственными частями Сибирскаго казачьяго полка и Амурскаго казачьяго дивизіона переѣзда въ Раздольное и принять мѣры къ немедленной перевозки ихъ въ Раздольное.

Г. Объ исполненіи настоящаго приказа мнѣ донести.

П. п. Генералъ-лейтенантъ Дитерихсъ.
За Начальника Штаба, Генеральнаго Штаба
Полковникъ Озолинъ.

Штабъ войскъ въ этотъ періодъ былъ занятъ исключительно выработкой компромиссовъ, способныхъ примирить начальниковъ отдѣльныхъ начальниковъ войсковыхъ частей, за время смуты брошенныхъ въ противоположные лагери. Многочисленные приказы о перемѣщеніи частей вызывались стремленіемъ сохранить внутренній миръ въ арміи.

При такихъ обстоятельствахъ я не ожидалъ болѣе возможности выдѣленія какой либо части для отправки на Камчатку и, съ разрѣшенія Командующаго войсками приступилъ къ формированію еще одной роты Морскихъ Стрѣлковъ[1]. Ввиду того, что формированіе должно было занять большой срокъ, я настоялъ на немедленной отправкѣ к/л. «Магнитъ» въ плаваніе на Камчатку, т. к. наши промыслы тамъ находились безъ всякой охраны.

22-го іюля «Магнитъ» вышелъ на Камчатку. На немъ были посланы чины Управленія Рыбными и Звѣриными Промыслами, новый командиръ и часть офицеровъ и команды для «Свири», стоявшей въ Петропавловскѣ. Приказомъ Командующаго войсками «Свирь» возвращалась въ составъ флотиліи.

[1] Такого же взгляда придерживался, повидимому, и Командующій войсками, т. к. имъ было разрѣшено ген. Пепеляеву формировать особый отрядъ сѣв. милиціи, предназначенной къ отправкѣ на Охотское побережье для содѣйствія повстанцамъ Якутской области.

Приостанавливая на этомъ описаніе оперативной дѣятельности флотиліи, перехожу къ изложенію политическихъ событій, имѣвшихъ мѣсто во Владивостокѣ въ концѣ іюля и началѣ августа.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

Въ концѣ іюля состоялся созывъ Земскаго Собора, постановленія котораго положили начало послѣднему періоду существованія Національной власти въ Приморьѣ — періоду военной диктатуры.

Земскій Соборъ открылся 24-го іюля. Первыя его засѣданія, обставленныя торжественно, произвели очень хорошее впечатлѣніе. Населеніе проявило, несомнѣнно, большой интересъ къ дѣятельности Собора.

Но уже вскорѣ обнаружилось, что Соборъ находится въ рукахъ небольшой группы лицъ, выдѣлившейся изъ рядовъ несоціалистовъ и сорганизовавшейся еще до Собора. Эта группа была явно антимеркуловскаго направленія и имѣла за собой поддержку нѣкоторыхъ военныхъ членовъ Собора — представителей частей еще недавно бунтовавшей противъ Правительства группы войскъ.

Присутствіе на Соборѣ представителей реальной силы не могло не сязать судьбу рѣшеній Собора съ настроеніями арміи, поэтому, когда часть ея представителей, за кулисами Собора, связалась съ группой политическихъ дѣятелей организовавшейся съ цѣлью управлять работой Собора, все дальнѣйшее стало въ зависимость отъ способности Командующаго войсками и флотомъ сдерживать подчиненныхъ ему начальниковъ настолькó, чтобы оградить свободу постановленій Собора отъ закулисныхъ вліяній, тѣмъ болѣе внушительныхъ, что не такъ давно было продемонстрировано, какія потрясенія можетъ принести государству неудовлетвореніе затаенныхъ чаяній этихъ людей.

Командующій войсками и флотомъ, генералъ Дитерихсъ присутствовалъ на Соборѣ въ качествѣ члена его. Въ неоднократныхъ своихъ разъясненіяхъ по поводу участія въ Соборѣ представителей войскъ генералъ Дитерихсъ указывалъ, что только онъ одинъ имѣетъ право адресоваться съ рѣчами къ Собору. Этимъ онъ хотѣлъ создать единство голоса арміи и устранить закулисныя вліянія, но запрещеніе произносить рѣчи въ общихъ собраніяхъ не могло помѣшать высказывать свои сужденія и требованія въ кулуарахъ, каковые разговоры, какъ извѣстно, часто имѣютъ большее значеніе, чѣмъ рѣчи съ трибуны.

Этимъ не замедлили воспользоваться тѣ, кому это было удобно, а именно представители, такъ называемыхъ, «молчановцевъ» и «смолинцевъ».

Генералъ Дитерихсъ пытался принимать противъ нихъ крутыя мѣры, но это мало устрашало ихъ, т. к. они были слишкомъ увѣрены въ своихъ прошлыхъ заслугахъ, и знали, что репрессіи могутъ носить лишь очень легкій характеръ.

Представители другихъ частей войскъ не могли служить противовѣсомъ этимъ интригамъ, т. к. у нихъ не было и не могло быть выработано общей уговсренной политической платформы. Исполняя требованія Командующаго войсками и флотомъ, всѣ они ожидали, что мнѣнія и желанія арміи и флота будутъ высказаны имъ самимъ. Также относились къ этому вопросу я и представители флотиліи.

Между тѣмъ, политическія чаянія группъ войскъ, возглавляемыхъ генераломъ Молчановымъ и Смолинымъ опредѣлились къ тому времени совершенно ясно, это была «Военная Диктатура». «Довольно подчиняться пиджакамъ!» былъ ихъ наиболѣе часто произносимый лозунгъ.

Подобное стремленіе организованнаго меньшинства Собора къ установленію единоличной власти явно имѣло всѣ шасы на успѣхъ, при обозначавшимся уже къ тому времени искренне монархическомъ настроеніи подавляющаго большинства членовъ Собора.

Дальнѣйшія манипуляціи этой группы политическихъ дѣятелей дѣлаются понятными.

Прежде всего, работѣ Собора не было придано никакой стройности. Не было политической секціи или какой либо комиссіи, обычно вырабатывающей планъ работы для многолюдныхъ собраній. Возможно, что подобная секція работала за кулисами Собора, но она не была имъ избрана. Всѣ вопросы рѣшались и разбирались общимъ собраніемъ, что вносило сумбуръ въ работу Собора и приводило къ совершенно неожиданнымъ для неорганизованнаго большинства рѣшеніямъ.

По указу Правительства, Собору предстояло двѣ задачи:

1. Заслушать и осудить докладъ Вр. Приамурскаго Правительства.

2. Избрать Верховную Власть.

Если бы Соборъ всталъ на эти рельсы, то естественно, что при внимательномъ обсужденіи докладовъ Правительства объ его дѣятельности за минувшіе полтора года и изученіи всѣхъ особенностей политической обстановки Приморья, новыя вѣхи по вопросамъ: 1) — дальнѣйшаго политическаго устройства Приморья и 2) — дальнѣйшей борьбы съ большевиками, поставленныя Соборомъ, находились бы въ эволюціонной связи съ работой перваго несоціалистическаго съѣзда и съ работой Правительства, вышедшаго изъ его нѣдръ.

При такихъ условіяхъ существенные недостатки стараго Правительства были бы исправлены, а его разумныя мѣропріятія и предположенія были бы заимствованы новой властью.

Земскій Соборъ, руководимый группой безотвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей, антимеркуловскаго направленія, поддержанныхъ представителями части вооруженныхъ силъ, еще не вполнѣ остывшихъ отъ только что минувшаго бунта, сталъ на совершенно другую дорогу.

Докладъ Правительства былъ заслушанъ, но не обсуждался, вслѣдствіе заявленія ген. Дитерихса, что онъ, будучи одновременно и членомъ Собора и лицомъ, подчиненнымъ Правительству, не могъ бы

участвовать въ обсужденіи доклада. Заявленіе генерала многими привѣтствовалось, ибо оно избавляло Правительство и Военное Командованіе отъ возможныхъ рѣзкихъ нападокъ и избавляло присутствующихъ отъ неприглядной картины, которую могъ бы явить Соборъ въ результатѣ возможного вскипанія страстей.

Эта опасность, однако, могла бы быть избѣгнута совершенно другимъ способомъ, безъ отказа отъ обсужденія итоговъ работы Правительства.

Въ дѣйствительности, такое поверхностное отношеніе Собора къ докладу Правительства попросту ставило крестъ надъ всей минувшей работой Національной несоціалистической Власти, не подведя итоговъ достигнутыхъ освободительнымъ движеніемъ и переворачивало страницу исторіи Приморья, открывая новый листъ, на которомъ не было написано ничего.

Послѣ этого Соборъ окончательно оторвался отъ прошлаго и, принявъ на себя не принадлежавшія ему по смыслу Указа о его созывѣ функціи Учредительнаго Собранія, занялся, по предложенію той же группы, обсужденіемъ вопросовъ о томъ, какая должна быть Верховная Власть въ Приморьѣ.

Провозгласивъ безусловно пріемлемые для всѣхъ членовъ Собора монархическіе лозунги, Соборъ вслѣдъ затѣмъ постановилъ просить въ Приморье кого либо изъ Великихъ Князей Дома Романовыхъ, чтобы открыто возглавить съ востока всенародное движеніе. Впредь же до пріѣзда Царственнаго Возглавителя, единоличная власть въ Приморьѣ должна была быть вручена кому либо на правахъ Намѣстника.

Въ дальнѣйшемъ дѣло свелось къ выбору Намѣстника.

Всѣ голоса сходились на кандидатурѣ находившагося въ Харбинѣ, бывшаго Приамурскаго генералъ-губернатора, популярнаго Н. Л. Гондатти, молчаніе котораго на телеграфный запросъ Предсѣдателя Правительства о пріемлемости для него этой должности, давало поводъ говорить о его согласіи, что еще при обсужденіи вопроса о необходимости единоличной Власти, оказывало значительне вліяніе въ пользу этого теченія. Однимъ изъ высшихъ аргументовъ защитниковъ идеи единоличной Власти было то утвержденіе, что будто бы, Н. Л. Гондатти не пойдетъ работать въ составѣ директоріи. Къ тому же, и войско въ лицѣ генерала Дитерихса, настаивало на скорѣйшемъ выставленіи кандидатуры Н. Л. Гондатти.

При такихъ настроеніяхъ оставалось только голосовать за единоличную Власть и за Н. Л. Гондатти, какъ кандидата на постъ Еамѣстника.

Предсѣдатель Правительства, С. Д. Меркуловъ отказался выставить свою кандидатуру. Кромѣ Н. Л. Гондатти была выставлена только кандидатура генерала Дитерихса. Въ самый послѣдній моментъ передъ избраніемъ Правителя пришло извѣстіе о рѣшительномъ отказѣ Гон-

датти отъ выставленія своей кандидатуры. Собору предстояло высказаться по поводу кандидатуры генерала Дитерихса.

Въ засѣданіи 6-го августа Земскій Соборъ единогласно избралъ генерала Дитерихса Правителемъ. Налицо была Военная Диктатура.

Зная лично многихъ политическихъ дѣятелей Приморья, я могу констатировать, что какъ самое установленіе института Военной Диктатуры, такъ и выборъ Диктатора явились для многихъ неожиданными. Но какъ разъ противниками этихъ рѣшеній были люди, искренними стремленіями которыхъ были сохраненіе единства въ средѣ національныхъ силъ и лояльность всякой законно избранной Національной Власти.

Поэтому, осуществленная такимъ образомъ Военная Диктатура ни съ чьей стороны не встрѣтила ни возраженій, ни противодѣйствія.

Благими послѣдствіями возникновенія Военной Диктатуры были: 1) — Возстановленіе единства въ средѣ національной общественности, 2) — успокоеніе умовъ въ арміи, что позволило ген. Дитерихсу въ сравнительно короткій срокъ возстановить, до извѣстной степени, дисциплину въ средѣ Высшаго Военнаго Сухопутнаго Командованія и вернуть арміи ея оперативную гибкость. Всѣ эти плюсы новой структуры власти были внутренняго порядка.

Дурныя же послѣдствія отчаяннаго шага Земскаго Собора почувствовались во внѣшнихъ дѣлахъ нашего государства и были гораздо болѣе значительны. Они привели все дѣло къ катастрофѣ.

Дѣло въ томъ, что ни для кого не было тайной, что Приморье могло сохранить свою независимость только при налачіи японской охраны, въ видѣ ли штыковъ, дѣйствительно находящихся на границахъ области, въ видѣ ли оговорки въ договорѣ между японцами и Сов. Россіей, по которой предусматривалось бы созданіе независимаго буфера.

Все это было осуществимо постольку, поскольку въ Японіи военная партія передъ лицомъ своихъ политическихъ противниковъ оказывалась богатой доказательствами разумности и справедливости сохраненія независимости отъ большевиковъ русскаго Приморья.

Въ теченіе 1921 и начала 1922 годовъ наличіе въ краѣ Народнаго Собранія, избраннаго населеніемъ свободно, примѣнимо къ существующимъ въ другихъ странахъ пресловутымъ демократическимъ нормамъ, поддержка оказанная Народнымъ Собраніемъ Правительству, резолюція протеста противъ представительства большевиками интересовъ русскаго народа на Гаагской и Генуэзской конференціяхъ, вынесенная Собраніемъ, резолюція Собранія объ оказаніи всемѣрной поддержки арміи бѣлоповстанцевъ во время Хабаровскаго похода и при отсутствіи арміи, все это были большіе козыри въ рукахъ японскихъ военныхъ круговъ, чтобы доказывать справедливость сохраненія оккупаціонныхъ войскъ, обезпечивающихъ желаемую самимъ русскимъ населеніемъ независимость края отъ Совѣтской Россіи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

В. С. Макаровъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ФЛОТА ВЪ ПЕРІОДЪ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917-1920 гг. СИБИРЬ.

Статья стар. лейт. В. С. Макарова, «Матеріалы для исторіи флота въ періодъ гражданской войны, Сибирь, 1917-1920 гг.» была помѣщена въ Томѣ I, №№ 4-5 «Морскихъ Записокъ» за 1943 г. Недавно, разбираясь въ своихъ бумагахъ, В. С. Макаровъ нашелъ отрывокъ рукописи, являющейся продолженіемъ напечатанныхъ уже его воспоминаній о дѣятельности рѣчныхъ флотилій въ Сибири и обнимающую періодъ съ іюня по октябрь 1919 г., который и приводится ниже.

Редакція

Я нѣкоторое время ѣхалъ вмѣстѣ съ командой дивизіона, а затѣмъ, въ Чусовой, пересѣлъ въ вагонъ Минмора.

Въ вагонѣ было все набито офицерами; были — Федотовъ, Фоминъ, Гессе, Гутанъ. Несмотря на то, что мы потеряли все то, надъ чѣмъ такъ долго трудились, всѣ были настроены сравнительно бодро. Всѣ ломали себѣ головы надъ тѣмъ, что дальше дѣлать съ людьми, пушками и вообще матеріальной частью флотиліи. Пока что, было рѣшено сосредоточить людей и матеріальную часть въ Тюмени. Разбирались причины неудачъ арміи, и общее мнѣніе было:

1) Отсутствіе связи, изъ-за чего штабы и командующіе большими отдѣльными частями только могли какъ бы регистрировать событія и писать донесенія, а отнюдь ими не руководить.

2) Невѣрно поставленная оперативная задача, цѣлью которой являлось захватъ территоріи. На истребленіе большевиковъ смотрѣлось какъ на нѣчто второстепенное. Благодаря этому, при наступленіи большевиковъ, изъ-за нежеланія терять землю, была сильно распространена система затыканія дыръ резервами, которая ни разу себя не оправдала.

3) Недооцѣнка силъ большевиковъ, такъ какъ, при правильной оцѣнкѣ было бы естественнымъ, при началѣ-же большевистскаго наступленія, сразу же оттянуть возможно большее количество силъ въ резервъ и послѣ чего повести контръ-ударъ.

По дорогѣ въ Омскъ мы провели нѣсколько дней въ Екатеринбургѣ. По выѣздѣ изъ Екатеринбурга, у многихъ появилась мысль, собравъ возможное количество 3″ установокъ въ разобранномъ видѣ, тронуться вмѣстѣ съ людьми флотиліи на соединеніе съ Деникинымъ черезъ Челябинскъ-Оршу-Гурьевъ. Въ концѣ концовъ Минморъ началъ склоняться къ тому же. Въ артиллерійскомъ смыслѣ это выразилось тѣмъ, что Розенталь, Гессе и Гутанъ остались разбираться въ матеріальной части въ Тюмени, я же отправился въ Омскъ на предметъ полученія орудійныхъ передковъ, артиллерійской упряжки и т. п.

По прибытіи въ Омскъ, Минмору удалось убѣдить въ необходимости двинуться на соединеніе съ Деникинымъ всѣхъ, кромѣ Верховнаго Правителя, который ни за что на это не соглашался. Въ результатѣ начались снова исканія.

Сципіонъ и Мейреръ задумали организовать партизанскій отрядъ. Другіе хотѣли устанавливать радіо-связь съ Деникинымъ.

Въ измѣненіе общаго движенія на югъ было одно время рѣшено послать только комиссію, составленную изъ «дѣлягъ» и «сражателей» — послѣдняя должна была возглавляться мною и состоять изъ Мейрера, Сципіона, Кащика и Севіера.

Событія на фронтѣ тѣмъ временемъ развивались въ очень невыгодномъ для насъ направленіи. Контръ-наступленіе нашей арміи было ликвидировано большевиками и Челябинскъ былъ взятъ. Въ Омскѣ началась ощущаться большая неловкость, начали бродить слухи объ эвакуаціи. Надо было спасать положеніе.

Командующимъ арміей былъ назначенъ Дитерихсъ, было задумано наступленіе, которое должно было начаться какъ только большевики дойдутъ до рѣки Ишима. Всѣ призывались къ полному напряженію. Въ смыслѣ флотиліи было сдѣлано слѣдующее: изъ перваго и третьяго дивизіона былъ образованъ образцовый морской батальонъ въ 1500 штыковъ, со взводомъ артиллеріи и 30 пулеметами.

Изъ 3-го дивизіона рѣшено было сдѣлать 2 дивизіона флотиліи для плаванія по Оби и Иртышу.

Большинство лучшихъ людей ушло въ батальонъ, которымъ командовалъ Тихменевъ. Ротными командирами были Гессе, Сципіонъ, Мейреръ и еще одинъ сухопутный офицеръ. Артиллерійскимъ взводомъ командовалъ Головкинъ.

Всѣ очень рьяно отнеслись къ батальону: было получено на всѣхъ англійское обмундированіе и шли непрерывныя занятія. Недѣли черезъ 2 послѣ начала формированія, батальонъ постигло несчастье — застрѣлился Гессе. Въ письмахъ, которыя онъ оставилъ, онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что онъ видитъ, что не можетъ справиться съ ротой.

Потеря Гессе была для артиллеріи ни чѣмъ не замѣнима.

Гессе былъ выдающимся офицеромъ, у него были разработанные имъ самимъ методы стрѣльбы, которые съ успѣхомъ примѣнялись въ Балтійскомъ флотѣ и на флотиліи на Камѣ онъ работалъ какъ волъ, участвуя во всѣхъ бояхъ. Въ то время какъ дивизіоны смѣнялись, онъ все время былъ на дѣйствующемъ дивизіонѣ; единственнымъ его недостаткомъ было то, что онъ принималъ все слишкомъ близко къ сердцу и это его и погубило.

Флотилія образовывалась слѣдующимъ порядкомъ: командующимъ былъ назначенъ Феодосьевъ. Начальникомъ 1-го дивизіона — Гутанъ, 2-го — Гакенъ. Я попалъ флагманскимъ артиллеристомъ флотиліи. Флагартомъ 1-го и 2-го дивизіоновъ былъ Степановъ. По прибытіи Феодосьева

на «Чехословакѣ» въ Омскъ, ему сильно не понравилось обиліе начальства и всякаго законоположенія, почему онъ немедленно отправился въ Томскъ, а мнѣ предоставилъ вооруженіе судовъ въ Омскѣ, взявъ на себя вооруженіе другихъ кораблей въ Томскѣ. Еще до его отхода мы послали для оперированія въ Товдѣ «Зайсона», «Александра» и «Иртыша». Первые два имѣли полевыя 3″ на колесахъ, послѣдній былъ вооруженъ англійской 6-ти фунтовой морской. (Общая идея объ Иртышской флотиліи была, что суда 1-го дивизіона предназначались для сраженій и 2-го — для обороны различныхъ плесовъ). Гутанъ отправился командовать «Александромъ» и «Иртышемъ». «Зайсонъ» былъ возвращенъ для перевооруженія.

Я остался въ Омскѣ вооружать «Катунь», «Алтай», «Зайсонъ», «Туру» и нѣсколько ни къ чемушнихъ катеровъ.

Въ это время пришли въ Омскъ 20 англійскихъ 6-ти фунтовыхъ орудій, и долгожданные снаряды къ 4″ орудіямъ .6 фунт. орудіями рѣшено было вооружить «Зайсона» и 2-ой дивизіонъ, ставя на первый 4 орудія и на прочіе по одному. «Катунь» и «Алтай» было рѣшено вооружить 2 англійскими 12 фунт. орудіями съ Кента на носу и одному 4,7″ на кормѣ.

«Ермакъ» и «Уралъ», того же типа должны были вооружаться въ Томскѣ также съ той разницей, что вмѣсто 12 фунт. на нихъ должны были стоять 3″ полевые.

Во время вооруженія кораблей въ Омскѣ я пользовался по отношенію къ личному составу правами Начальника дивизіона.

Вооруженіе «Зайсона», «Катуни» и «Туры» продолжалось около 10 дней, послѣ чего Верховный Правитель сдѣлалъ смотръ кораблямъ и батальону одновременно. Смотръ сошелъ весьма удачно.

На слѣдующій день послѣ смотра было получено извѣстіе, что «Иртышъ» и «Александръ» захвачены большевиками и Гутанъ и всѣ съ нимъ находившиеся убиты. Послѣ этого извѣстія меня назначили начальникомъ 1-го дивизіона. (Еще до смотра Верховнымъ Правителемъ, на фронтъ былъ отправленъ «Алтай», подъ командой Коцюбинскаго).

Послѣ полученія назначенія мною, Федотовъ вызвался итти на судахъ вмѣстѣ со мною въ качествѣ представителя генеральнаго штаба.

Въ началѣ сентября, держа брейдвымпелъ на «Катуни» я вышелъ внизъ по рѣкѣ къ Тобольску. Начальникомъ Штаба былъ Д. Н. Федотовъ, флагартомъ Мих. Ив. Запрудинъ. Флагмеха и доктора не было. Пулеметнымъ офицеромъ былъ поручикъ Василевскій, назначенный мною вмѣсто Попова, совершенно потерявшаго здоровье отъ неумѣреннаго потребленія водки и кокаина.

Ставкой мнѣ были даны инструкціи, заключавшіяся въ томъ, что цѣль флотиліи, главнымъ образомъ, охранять движеніе каравана баржъ, шедшаго съ большимъ количествомъ военнаго снаряженія съ устья рѣки Оби въ Томскъ, а также охранять подступы къ Омску. На мой вопросъ, что дѣлать и какъ дѣлить имѣемыя въ моемъ распоряженіи силы въ слу-

чаѣ паденія Тобольска, никакого прямого отвѣта не было дано. Мысль о сдачѣ Тобольска не допускалась и, въ общемъ, мнѣ было сказано выполнять инструкцію всѣми имѣемыми силами.

Передъ походомъ мнѣ удалось настоять на томъ, чтобы вернули авіацію, отправленную въ Томскъ и присоединили бы въ началѣ къ моему дивизіону.

Походъ до Тары прошелъ, главнымъ образомъ, въ артиллерійскихъ ученіяхъ. Въ Тарѣ мы связались прямымъ проводомъ съ Пѣшковымъ и, получивъ послѣднюю обстановку и пожеланія успѣха тронулись дальше. По случаю болѣзни командира, въ командованіе «Катунью» вступилъ Федотовъ. По прохожденіи Тары, имѣя у борта «Туру», съ полнаго хода загвоздились на мель. Часовъ 6-7 продолжалось заряженіе и вырабатываніе сваекъ, завозъ верповъ и концовъ, прихватываемыхъ къ сосѣднимъ деревьямъ и, наконецъ, съ большимъ трудомъ мы сползли и продолжали нашъ путь. Команда работала не покладая рукъ и когда мы снялись, то каждому было выдано по чаркѣ водки, полученной отъ дружественнаго намъ Тарскаго Начгора. Дальше шли останавливаясь только для погрузки дровъ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ происходили небольшіе курьезы. Напримѣръ, въ одной насъ просили искоренить, при помощи имѣемой въ нашемъ распоряженіи артиллеріи медвѣдя, который терроризировалъ все народонаселеніе. — «У насъ народа много и онъ имъ всѣмъ командуетъ!» — говорили мужики.

Гуляя по другой деревнѣ мы замѣтили породистаго вида пса, привязаннаго къ воротамъ какой-то хаты. Песъ былъ, повидимому, нѣчто среднимъ между англійской и русской борзой и поражалъ красотой своей перельной шерсти. По наведеннымъ справкамъ, хозяинъ этой собаки собирался шить шубу и искалъ въ настоящее время еще 2-3 собаки, чтобы подобрать цвѣтомъ къ имѣемой.

Пожелавъ псу всякихъ благополучій мы тронулись дальше и остановились только у Аболокскаго монастыря, гдѣ мы съ Федотовымъ и боцманомъ пошли за справками.

Монахи поразили насъ своей молчаливостью и угрюмостью. Въ монастырѣ остановился отрядъ Особаго Назначенія, начальникъ котораго, повидимому, отдыхалъ и не могъ насъ принять.

Офицеры ничего путнаго сообщить не могли. Разочарованные, мы спустились внизъ на свой ship. Въ это время къ намъ прискакалъ ординарецъ съ просьбой Начальника Отряда, полковника Колесникова, пожаловать въ монастырь, на что мы отвѣтили, что будемъ рады видѣть полковника у себя.

Полковникъ Колесниковъ пріѣхалъ къ намъ, однако ничего путнаго о положеніи дѣлъ въ Тобольскѣ сказать не могъ.

Мы рѣшили продолжать движеніе къ Тобольску и «Тура», какъ болѣе тихоходная, была выслана впередъ. Только что мы собирались сни-

маться, какъ за поворотомъ рѣки показался цѣлый караванъ буксировъ и баржъ. Была видна возвращающаяся «Тура» и много всякихъ войскъ на баржахъ. Съ «Туры» былъ сдѣланъ семафоръ, что она имѣетъ у себя на борту Начальника Воткинской дивизіи, полковника Юрьева и что она подходитъ къ борту.

Юрьевъ вышелъ къ намъ и мы собрали небольшое совѣщаніе, на которомъ Юрьевъ сообщилъ, что Тобольскъ оставленъ нашими войсками, что дивизія Бордзиловскаго, забравъ всѣ плавучія средства отступаетъ внизъ по Иртышу и что онъ, со своими войсками, собирается занять линію по рѣкѣ Ишимѣ. Изъ вооруженныхъ кораблей съ Бордзиловскимъ ушелъ «Алтай». Юрьевъ передалъ, что Бордзиловскій просилъ насъ итти къ нему, но онъ, какъ начальникъ, командующій отдѣльнымъ отрядомъ, можетъ дать намъ предписаніе оперировать съ нимъ и, во всякомъ случаѣ, проситъ насъ его не покидать.

Съ Юрьевымъ былъ вооруженный корабль 2-го дивизіона «Тюмень». Пароходы, которые тащили многочисленные баржи были весьма слабы и движеніе вверхъ было примѣрно со скоростью двухъ верстъ въ часъ.

Оставивъ «Туру» для прикрытія Абалакской переправы, мы впряглись въ одну изъ баржъ и пошли вверхъ.

Руководствуясь тѣмъ, что съ Бордзиловскимъ находится «Алтай», который одинъ сильнѣе «Иртыша» и «Александра», а также тѣмъ, что къ нему будутъ непрерывно подходить корабли, вооружаемые въ Тобольскѣ, мы рѣшили остаться съ Юрьевымъ, однако, въ теченіи ближайшихъ ночей пойти въ Тобольскъ для обстрѣла переправъ.

Черезъ одну ночь мы пошли съ «Турой» къ Тобольску. Было новолуніе и довольно свѣтло. Подходя къ первой переправѣ у Мысовой мы убѣдились что она не дѣйствуетъ. На послѣднемъ плесѣ у Тобольска по насъ былъ открытъ довольно сильный ружейный и пулеметный огонь невидимымъ противникомъ. Убѣдившись, что переправа у самаго Тобольска тоже бездѣйствуетъ, мы повернули. Въ это время по насъ открыла огонь батарея съ диспозиціи примѣрно 1-1½ верстъ. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ кормовой, послѣдняя отчего-то прекратила огонь. Я прошелъ въ корму и убѣдился, что команда сидитъ за прикрытіемъ, во главѣ съ плутонговымъ командиромъ. Правда, пули свистали довольно интенсивно. Стрѣльбу возобновили. Затѣмъ, потерявъ батарею изъ вида за поворотомъ, должны были снова огонь прекратить.

Однако батарея, видя наши мачты, все еще не унывала и продолжала стрѣлять еще, по крайней мѣрѣ, минутъ 40, т. к. мы, вслѣдствіи извиливости рѣки, не могли выйти изъ обстрѣла. Въ теченіи этого времени на «Турѣ» скисла машина и намъ пришлось взять ее на буксиръ.

У Абаловской переправы по насъ снова открыли ружейный огонь, однако, мы его быстро потушили. Въ дальнѣйшемъ, отступленіе къ Усть Ишиму не сопровождалось никакими военными дѣйствіями. Мы были за-

няты, главнымъ образомъ, выволакиваніемъ остающихся баржъ и помощью каравану Воткинской дивизіи.

Придя въ Усть Ишимъ мы рѣшили сдѣлать походъ за двумя баржами, оставленными нами верстъ на 90 въ тылу.

Вышли мы, примѣрно часовъ въ 8 вечера, по дорогѣ замѣтили кавалерійскую часть большевиковъ, по которой открыли пулеметный огонь. Конница быстро разсѣялась. Подойдя къ баржамъ, мы увидѣли что баржевики относятся весьма скептически къ нашимъ намѣреніямъ, т. к. они говорили, что всюду вокругъ большевики и что намъ баржъ вывести не удастся. Въ то время какъ мы заводили концы, мы замѣтили, что на лѣвомъ берегу шестерка лошадей тащитъ нѣчто сильно похожее на пушку. Мы открыли огонь однимъ орудіемъ, и это «нѣчто» куда-то смоталось. Обратно мы выступили часа въ 2, строй по прилагаемой діаграммѣ:

Катунь

Зайсонъ Отецъ Баржа Баржа

Часовъ около четырехъ, дремля въ креслѣ въ каютъ компаніи, я проснулся отъ сильнаго пулеметнаго огня. Вылетѣвъ наверхъ убѣдился, что насъ обстрѣливаютъ съ береговъ не меньше 2-хъ пулеметовъ и двухъ ротъ. Мы отвѣчали изъ всѣхъ орудій и пулеметовъ, причемъ пушки скисали одна за другой и всѣ знаменитыя St. Etienne послѣдовали ихъ примѣру.

Буксиръ «Зайсона» былъ перебитъ и онъ вышелъ вправо отъ «Отца», не прекращая огонь ни на секунду изъ своихъ 6 фунтовыхъ. Въ это время, нѣсколько ружейныхъ пуль, попавшихъ въ ящики съ 12 фун. патронами произвели пожаръ на «Катуни». Изъ боевой рубки было видно пламя выше мостика. Наши носовыя орудія прекратили огонь и было полное впечатлѣніе, что мы горимъ. Федотовъ кинулся собирать трюмно-пожарный дивизіонъ, а я бросился прямо къ ящикамъ и началъ сбрасывать ихъ въ воду. Въ это время непріятель былъ на траверзѣ и стрѣльба его была весьма интенсивна. По ликвидаціи пожара мы возобновили стрѣльбу. Въ общемъ, во время этого обстрѣла, намъ приходилось проходить столь близко отъ большевиковъ, что Кузьминскій, новый командиръ кормового плутонга, временами пользовался своимъ револьверомъ. На этомъ дѣлѣ мы потеряли 17 человѣкъ раненыхъ, изъ нихъ 3 тяжело. Потери, главнымъ образомъ, распредѣлялись между «Зайсономъ» и «Отцомъ». У насъ былъ одинъ легко раненый, да еще я былъ нѣсколько обожженъ. Обошлось не безъ курьезовъ. Напримѣръ, на буксирномъ кораблѣ «Отецъ», который насъ сопровождалъ, оказалось нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ жена капитана. Когда начался обстрѣлъ, послѣдняя, вмѣсто того чтобы спуститься въ трюмъ, куда ей было указано, бросилась снимать развѣшанное бѣлье, опасаясь, что оно будетъ прострѣляно. Въ результатѣ ее ранило въ руку въ трехъ мѣстахъ.

По окончаніи обстрѣла, сгрузивъ всѣхъ раненыхъ на «Зайсонъ», мы

его отправили вверхъ самостоятельно, сами же продолжали двигаться съ баржами. «Зайсонъ» пришелъ благополучно, мы же попали еще три раза подъ обстрѣлъ, причемъ наши боевыя качества, повидимому, сильно улучшались, т. к. во второмъ случаѣ мы не могли прекратить большевистскій огонь въ теченіи полу-часа, въ послѣднемъ же заткнули большевиковъ въ 3-4 минуты.

Когда мы вернулись къ Юрьеву, то оказалось что «Зайсону» были уже сдѣланы большія оваціи и роздано нѣсколько крестовъ. То же самое произошло на «Катуни» нѣсколько дней спустя.

Изъ Усть-Ишима была сдѣлана еще операція и дессантъ у деревни Новой, гдѣ, говорилось, что нѣсколько большевиковъ, а главнымъ образомъ, туземцы, отрѣзали обозъ Воткинской дивизіи.

Въ дессантѣ участвовали «Катунь» и «Зайсонъ». Высаживалась комендантская команда Воткинской дивизіи и любители съ «Зайсона». По дорогѣ туда мы подобрали нѣсколько солдатъ Воткинскаго обоза, которые намъ разсказали примѣрно слѣдующее: — «Остановились мы въ деревнѣ Новой. Зарѣзали корову и начали свѣживать. Съ нами былъ прапорщикъ. Въ это время раздались крики — «Большевики!». Прапорщикъ выхватилъ револьверъ и разъ! его объ землю... Ну, послѣ этого мы всѣ бросились бѣжать...».

Остановиться у Новой и высадить дессантъ не представило затрудненій. Послѣ этого мы засѣли въ каютъ компаніи и начали дожидаться свѣдѣній. Оказалось, что наши войска долго не могли найти дорогу къ Новой, затѣмъ ворвались въ деревню, убили какихъ-то людей, послѣ чего Воткинцы начали грабить и затѣмъ привели какихъ-то мужиковъ, объявивъ что это плѣнные. Среди этихъ плѣнныхъ была, между прочимъ, и одна женщина, которой Юрьевъ сказалъ весьма обидныя для нея физическія сравненія. Впрочемъ, забранные мужики обвинялись въ томъ, что они охраняли нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ большевиками. Видъ у нихъ былъ весьма невзраченъ, и обращеніе съ ними Воткинцевъ заставляло желать лучшаго.

Послѣ этого мы снова вернулись къ Усть-Ишиму и простояли тамъ дня три. Въ теченіи этого времени развѣдка, посланная Юрьевымъ по Ишимскому тракту обнаружила противника весьма далеко по тракту и въ связи съ подслушанными телефонными разговорами, можно было заключить, что большевики не собираются форсировать Ишимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находимся, а думаютъ его обойти и вести операцію противъ гор. Тары. Исходя изъ этого, Юрьевъ рѣшилъ отступить дальше, а именно расположить свои позиціи у деревни Знаменской, въ 10 верстахъ ниже Тары.

Когда этотъ маневръ мы начали выполнять, то большевики уже подступили къ Усть-Ишиму и дѣйствительно двигались по Ишимскому тракту. За это время самовольно смотался изъ одной изъ деревень праваго берега конный дивизіонъ и полурота Воткинской дивизіи. У этой деревни

находилась «Тура». Видя это, командиръ «Туры» вмѣстѣ съ 10 людьми и пулеметомъ занялъ деревню и послалъ мнѣ «Туру» со Старшимъ Офицеромъ доложить о случившемся. Я здорово перепугался за его судьбу, полетѣлъ къ Юрьеву — черезъ день полурота снова заняла деревню и Фохтъ торжествующе вернулся на корабль.

Отступленіе къ Тарѣ заняло дня 3-4. Придя въ Знаменское мы задержались тамъ всего на нѣсколько часовъ и пришли вмѣстѣ съ Юрьевымъ въ Тару. Изъ Тары мы съ Федотовымъ сцѣпились прямымъ проводомъ съ Пѣшковымъ, причемъ просили его повліять на то, чтобы прислали подкрѣпленіе Юрьеву, а также дали бы въ наше распоряженіе батальонъ морскихъ стрѣлковъ для дессантныхъ операцій. Пѣшковъ намъ, въ свою очередь, сообщилъ, что на всѣхъ фронтахъ мы бьемъ большевиковъ и неудачи, повидимому, только на нашемъ фронтѣ.

Еще до этого, воспользовавшись эвакуаціей Кузьминскаго, мы послали весьма мотивированное донесеніе Пѣшкову съ указаніемъ важности Тобольскаго направленія, а также описаніемъ Воткинской дивизіи и полной невозможности что-либо сдѣлать безъ подкрѣпленія.

Въ отвѣтъ на всѣ наши донесенія и прямые провода, пришла телеграмма, что: «Естественно, что никакой сухопутной части нельзя дать въ подчиненіе къ флоту. Изъ всѣхъ войскъ дѣйствующихъ въ Тобольскомъ направленіи образуется Тобольская группа. Командовать группой назначается генералъ Рѣдько. Съ генераломъ Рѣдько идетъ пополненіе Воткинской дивизіи въ составѣ 600 человѣкъ, мѣстный полкъ, въ составѣ 1200 человѣкъ и Егерскій батальонъ Морскихъ Стрѣлковъ въ составѣ 600 человѣкъ».

Мы несказанно обрадовались подкрѣпленіемъ, но нѣсколько разочаровались появленію Рѣдьки, т. к. Юрьевъ намъ казался отличнымъ военнымъ начальникомъ и мы съ нимъ весьма подружились.

Въ это же время прибыла наша авіація въ составѣ трехъ аппаратовъ, во главѣ съ Марченко.

Черезъ недѣлю въ Знаменскомъ появился и самъ генералъ Рѣдько, который съ мѣста же произвелъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Лицо у него было каменное, безъ всякихъ признаковъ какихъ бы то ни было выраженій. Онъ всѣхъ все время ругалъ, главнымъ образомъ отсутствовавшихъ. Его штабъ не избѣгалъ общей участи. Какъ только кто-нибудь уходилъ изъ помѣщенія, гдѣ онъ сидѣлъ, генералъ громогласно начиналъ критиковать умственныя способности ушедшаго. Послѣ того какъ мы съ Федотовымъ ушли, какъ намъ потомъ сообщили, генералъ спросилъ: — «Который изъ нихъ Макаровъ? — а, этотъ, повидимому, идіотъ!» — хотя, видитъ Богъ, что мы съ нимъ не успѣли обмолвиться полъ-дюжиной словъ.

Флотъ онъ, вообще, ругалъ всѣмъ и всюду. Однако, его первое мѣропріятіе было не плохо, т. к. онъ приказалъ немедленно же убрать всѣхъ женъ и дѣтей, слѣдующихъ съ Воткинской дивизіей.

Дальнѣйшіе 5 дней генералъ употребилъ на поджиданіе подкрѣпленій и обдумываніе оперативнаго приказа.

Кой-какія подкрѣпленія начинали подходить. Это время я проводилъ въ практическихъ стрѣльбахъ въ Знаменскомъ, затѣмъ вернулся въ Тару и по приходѣ получилъ предписаніе нашего полководца вести развѣдку въ мѣстностяхъ, расположенныхъ на 300 верстъ отъ ближайшей воды. Сообразивъ, что дѣло, повидимому, касается авіаціи, я вызвалъ Марченко и онъ мнѣ объяснилъ, что заданіе совершенно невыполнимо изъ-за ограниченнаго раіона дѣйствія аппаратовъ. Я рѣшилъ отправиться къ Рѣдько доложить въ чемъ дѣло, причемъ Марченко уговорилъ меня взять его съ собой, сообщивъ, что онъ замѣчательно объясняется съ генералами.

Генералъ встрѣтилъ насъ «въ штыки». Онъ все время пытался уличить насъ въ нежеланіи сражаться и въ трусости и всячески старался выводить на чистую воду. Мы не поддавались и, наконецъ, на объясненія Марченко о техническихъ и тактическихъ свойствахъ аппаратовъ, громогласно заявилъ, что онъ самъ инженеръ, на что Марченко отвѣтилъ: — «тѣмъ хуже, т. к. если бы Вы были авіаторомъ, то все было бы много яснѣе». Фраза эта произвела впечатлѣніе разорвавшейся ракеты. Все въ штабѣ смолкло, однако, генералъ скисъ и заявивъ намъ что-то вродѣ: — «Дѣлайте что хотите» — и отпустилъ насъ съ миромъ.

Нѣсколько дней еще продолжалось бездѣйствіе и въ теченіи этого времени было получено предписаніе Минмора назначить Федотова въ штабъ Рѣдько, отъ котораго насилу удалось отбрыкаться.

Въ концѣ концовъ появился приказъ Рѣдько объ общемъ наступленіи, съ предписаніемъ занять позиціи у Усть-Ишимы 24 Сентября. Корабли начали движеніе внизъ вмѣстѣ съ частями силъ расположенныхъ на правомъ берегу рѣки, а именно съ отрядомъ Особаго Назначенія полковника Колесникова. Примѣрно въ 45-50 верстахъ ниже Знаменскаго мы встрѣтили нашу авіацію и полковника и рѣшили съ полковникомъ, что мы возьмемъ къ себѣ 150 чел. его отряда и пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ внизъ, дѣлая временами высадки.

Когда отрядъ перебрался на «Катунь», то не было свободнаго мѣста, всюду сидѣли люди и ночью надо было смотрѣть, чтобы не наступить на кого-нибудь. Однако, отрядъ, почему-то, почувствовалъ давно не испытанный комфортъ. Вмѣстѣ съ отрядомъ мы дошли, примѣрно, за 100 верстъ до Усть-Ишима, временами высаживаясь въ деревняхъ, однако, никакого сопротивленія не встрѣчали. За это время мы сильно улучшили технику высадки. Обсудивъ хорошенько, мы рѣшили съ Колесниковымъ атаковать Усть-Ишимъ. Ввиду того, что для этого необходимо было сговориться съ Юрьевымъ, я взгромоздился на аэропланъ къ Марченко и мы полетѣли. Примѣрно черезъ полъ часа мы узрѣли «Европу», стоящую у берега примѣрно въ 70 верстахъ отъ мѣста нашей стоянки.

НОВОЕ О СОВѢТСКОМЪ ФЛОТѢ

Стар. лейт. К. фонъ-Ноттбекъ.

Крейсера типа «Свердловъ».

Во время международнаго морского смотра на Спитхэдскомъ рейдѣ по случаю коронаціи англійской королевы Елизаветы II въ іюнѣ 1953 года, всеобщее вниманіе обращалъ на себя новый совѣтскій крейсеръ «Свердловъ». Онъ былъ такой-же сенсаціей, какъ на коронаціонномъ смотру 1911 года только-что вступившій тогда въ строй первый германскій крейсеръ-дреднаутъ «Фонъ деръ Таннъ». Не только высокое техническое совершенство его постройки, изящество линій обводовъ совѣтскаго крейсера, но и дисциплинированность и опытность его команды и лихое управленіе крейсеромъ его командира, вызвали всеобщее восхищеніе. Этотъ командиръ, капитанъ 1-го ранга Рудаковъ, отказался отъ услугъ англійскаго лоцмана, заявивъ ему, что: «для входа въ англійскіе порты мы въ лоцманахъ не нуждаемся». Послѣ парада кап. 1-го ранга Рудаковъ былъ представленъ англійской королевѣ на посыльномъ суднѣ «Surprise». Знакомство его съ правилами свѣтскихъ приличій, повидимому, значительно слабѣе знакомства его съ морскимъ дѣломъ: въ англійской печати появился снимокъ, на которомъ командиръ совѣтскаго крейсера цѣлуетъ руку королевы Елизаветы, н-е с-н-и-м-а-я ф-у-р-а-ж-к-и!

На крейсерѣ состоялся рядъ пріемовъ, какъ англійскаго морского начальства, такъ и городскихъ властей города Портсмутъ и корреспондентовъ англійской и иностранной печати.

Всѣ они отзываются съ высшей похвалой о великолѣпномъ порядкѣ и идеальной чистотѣ на совѣтскомъ крейсерѣ; особенно-же ихъ поразила роскошная обстановка офицерской каютъ-компаніи, съ мягкой мебелью, коврами, картинами и зеркалами, и отличныя помѣщенія для команды, съ постоянными койками для личнаго состава.

По американскимъ источникамъ данныя крейсеровъ типа «Свердловъ» слѣдующія:

Спускъ на воду: 1952.
Водоизмѣщеніе: 15000 тоннъ.
Наибольшая длина: болѣе 200 метровъ.
Скорость: 35 узловъ.

Очень большой районъ дѣйствія, сильно бронированъ.
Команды: 1118 человѣкъ.
Машина: Тюрбины Парсона.
Число винтовъ: 4.
Сила машины: 130000 НР.
Артиллерійское вооруженіе: 12 — 6″ въ 57 калибровъ, въ 4-хъ башняхъ; 12-4″ противуаэропланныхъ пушекъ въ 6-ти парныхъ установкахъ, 28 — 37м/м. прот. аэр. пушекъ въ 14 парныхъ установкахъ,
Минное вооруженіе: 10 минныхъ аппаратовъ въ 21″, въ 2-хъ установкахъ по 5 аппаратовъ; 180 минъ загражденія.

Такихъ крейсеровъ строится 18, изъ которыхъ 6-7 уже вступили въ строй. Всѣ они предназначаются для Балтійскаго моря и для Ледовитаго океана. Изъ названій пока извѣстны: «Свердловъ», «Оржоникидзе», «Микоянъ», «Ждановъ» и «Александръ Невскій»(!).

На Дальнемъ Востокѣ появился совѣтскій легкій крейсеръ «Камчатка», водоизмѣщеніемъ въ 5000 тоннъ. Вооруженъ онъ, исключительно, противоаэропланными орудіями.

Новые эскадренные миноносцы.

Вступили въ строй двѣ серіи новыхъ эскадренныхъ миноносцевъ типа «О» и типа «С-2».

Типъ «О» — Водоизмѣщеніе 2000 тоннъ, наиб. скорость 35 узловъ, вооруженіе: 4-130 м/м. орудія, 2-76м/м. пр. аэр., 6-37м/м. пр. аэр., 6 минныхъ аппаратовъ 21″ (два тройныхъ), 60 минъ загражденія, спеціальное вооруженіе противъ подводныхъ лодокъ.

Всего построено 15 эск. миноносцевъ этого типа. Годы постройки — 1948-1951. Въ Балтійскомъ, Черномъ морѣ и на Дальнемъ Востокѣ.

Названія: «Образцовый», «Отличный», «Отважный», «Отчетливый», «Осмотрительный», «Огневой», «Опасный», «Озорный», «Осмысленный», «Основательный», «Осторожный», «Остервенѣлый», «Остроглазый», «Отвѣтственный» и «Озлобленный».

Типъ «С-2» — водоизмѣщеніе 2200-2400 тоннъ, наиб. скорость 38 узловъ, вооруженіе: 4 — 130м/м., 3 — 76м/м. пр. аэр., 7 — 37м/м. пр. аэр., 8 минныхъ аппаратовъ 21″ (два четверныхъ), 60 минъ загражденія.

Всего 32 эск. миноносца этого типа. Годы постройки 1952-1954. Для Балтійскаго моря, Ледовитаго Океана и Дальнего Востока. Изъ названій извѣстны пока слѣдующія: «Скорый», «Стойкій», «Смѣлый», «Стремительный», «Сердитый», «Смѣтливый», «Стерегущій», «Смышленый», «Совершенный» и «Счастливый».

Подводныя лодки.

Попрежнему, совѣты обращаютъ особое вниманіе на развитіе своего подводнаго флота. Постройка подводныхъ лодокъ производится ускорен-

нымъ темпомъ на 11 заводахъ. Нѣсколько типовъ подлодокъ стандартизовано, части ихъ выдѣлываются на разныхъ заводахъ и высылаются къ мѣсту сборки, которая совершается въ весьма короткіе сроки.

Въ Балтійскомъ морѣ замѣчены лодки очень большого водоизмѣщенія — 2500 тоннъ — совершенно новаго типа. Тамъ-же были обнаружены новые подводные заградители в 1500-1600 тоннъ съ надводной скоростью въ 25 узловъ. Вступили въ строй лодки съ ракетнымъ вооруженіемъ, лодки-танкеры для снабженія горючимъ находящихся въ океанѣ подлодокъ, и лодки-транспорты, для высадки небольшихъ дессантовъ и саботажныхъ партій на непріятельскіе берега. Общее число подводныхъ лодокъ, готовыхъ къ дѣйствію, доходитъ до 600, изъ нихъ 350 океанскихъ. Наибольшее сосредоточеніе подводныхъ лодокъ — больше 200 — на Дальнемъ Востокѣ.

Въ январьскомъ номерѣ U. S. Naval Institute Proceedings помѣщена статья германского инженера Р. Лузаръ, исчисляющая силу современнаго совѣтскаго военнаго флота въ 8-10 новыхъ линейныхъ кораблей, 6-8 новыхъ авіоносцевъ, 28 крейсеровъ, 135 эскадренныхъ миноносцевъ и 982 подводныхъ лодокъ. Несомнѣнно, эти данныя въ значительной степени преувеличены. Все-же, они ближе къ истинѣ, чѣмъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ извѣстныхъ морскихъ справочникахъ: «Jane's Fighting Ships», «Flottentaschenbuch» (бывшій Taschenbuch der Kriegsflotten, «Marinkalender», «Les Flottes de Combat»). 3 первыхъ справочника совершенно отрицаютъ существованіе новыхъ линейныхъ кораблей и авіоносцевъ въ совѣтскомъ флотѣ, и лишь «Les Flottes de Combat» приводитъ въ своемъ спискѣ судовъ совѣтскаго флота новый линейный корабль «Совѣтскій Союзъ». Это странное скрываніе истинного положенія является результатомъ давленія с-в-ы-ш-е. Издатели вышеуказанныхъ справочниковъ, за исключеніемъ издателя «Flottentaschenbuch», тѣсно связаны съ морскими министерствами своихъ странъ (адмиралтействами), отъ которыхъ получаютъ свѣдѣнія, какъ о своихъ, такъ и объ иностранныхъ флотахъ. Экономическое положеніе западно-европейскихъ державъ не позволяетъ правительствамъ ихъ въ данное время тратить большія средства на усиленіе своихъ морскихъ силъ, а распространеніе свѣдѣній о все возрастающей мощи Совѣтскаго союза должно было привести къ неутѣшительнымъ сравненіямъ съ собственной слабостью и къ усиленію паническаго настроенія въ этихъ странахъ. Подобная-же политика скрыванія и замалчиванія проводится и по отношенію къ сухопутнымъ и воздушнымъ силамъ Совѣскаго союза. Издатель «Jane's Fighting Ships», корабельный инженеръ Реймондъ В. Блэкмэнъ, въ письмѣ признался въ томъ, что онъ принужденъ былъ исключить изъ своего изданія новые линейные корабли и, вообще, рядъ новыхъ судовъ Совѣтскаго союза подъ давленіемъ со стороны британскаго адмиралтейства. Очень характерной въ этомъ отношеніи является также странная, небывалая, для широкой

публики совершенно незамѣченная, просьба британскаго правительства, обращенная къ 16-ти иностраннымъ морскимъ державамъ въ апрѣлѣ *1953 года, о присылкѣ на коронаціонный смотръ на Спитхэдскомъ рейдѣ* по одному кораблю, размѣрами НЕ БОЛЬШЕ ТЯЖЕЛАГО КРЕЙСЕРА. Американцы, готовившіе къ походу въ Спитхэдъ линейный корабль «Wisconsin», принуждены были замѣнить его тяжелымъ крейсеромъ «Baltimore», а французы замѣнили предназначавшійся для смотра линкоръ «Richelieu» легкимъ крейсеромъ «Moncalm». Дѣло въ томъ, что англійскій морской агентъ въ Москвѣ донесъ своему правительству, что совѣты собираются послать на смотръ свой новый линкоръ «Совѣтскій Союзъ». Никакъ нельзя было допустить, чтобы этотъ корабль, самое существованіе котораго упорно отрицалось британскимъ адмиралтействомъ, оказался самымъ современнымъ и самымъ могущественнымъ кораблемъ всего международнаго парада! Какъ и американцы и французы, совѣты по просьбѣ англійскаго правительства должны были замѣнить свой новый линкоръ крейсеромъ «Свердловъ». И вотъ, на коронаціонномъ смотру, одинокій «Vanguard», единственный находящійся въ кампаніи линкоръ британскаго флота, и авіаносецъ «Eagle» оказались самыми крупными и могущественными судами и создавали въ душахъ сотенъ тысячъ британцевъ иллюзію все еще продолжающагося морского могущества «Владычицы морей».

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что совѣты, стремящіеся къ міровой гегемоніи, быстро и планомѣрно создаютъ свою морскую силу. Помимо непрекращающагося потока частныхъ свѣдѣній о вступающихъ въ строй новыхъ боевыхъ судахъ совѣтскаго флота, имѣется рядъ косвенныхъ указаній на наличіе новыхъ крупныхъ боевыхъ единицъ въ составѣ Краснаго флота. Недавнее углубленіе Петроградскаго Морского Канала, установка 3-хъ новыхъ плавучихъ доковъ съ грузоподъемностью въ 50000 тоннъ, по одному въ Кронштадтѣ, Мурманскѣ и Молотовскѣ (не для тральщиков-же!), крупные заказы на постройку коммерческихъ судовъ на судостроительныхъ заводахъ Англіи, Голландіи, Западной Германіи, Даніи, Швеціи и Финляндіи изъ-за перегруженности собственныхъ верфей Совѣтскаго Союза постройкой военныхъ судовъ, суровыя мѣры къ ограниченію свободнаго мореплаванія во всѣхъ совѣтскихъ моряхъ — въ Балтійскомъ морѣ весь южный берегъ, отъ Пиллау до Кронштадта закрытъ для иностранныхъ торговыхъ судовъ — все это указываетъ на то, что совѣты съ большимъ напряженіемъ строятъ боевой флотъ, включая боевыя суда большого водоизмѣщенія, т. е. линейные корабли и авіаносцы.

Послѣ основательной провѣрки и тщательнаго сличенія всѣхъ немногихъ официальныхъ и весьма многочисленныхъ частныхъ свѣдѣній, я пришелъ къ заключенію, что совѣтскій флотъ въ настоящее время насчитываетъ не менѣе 3-хъ новыхъ линейныхъ кораблей, (2 въ Балтійскомъ и 1 въ Черномъ морѣ), 3-хъ новыхъ авіаносца (1 въ Балтійскомъ морѣ,

2 въ Тихомъ океанѣ), 3-хъ старыхъ линейныхъ кораблей (1 въ Балтійскомъ, 2 въ Черномъ морѣ), 24 крейсеровъ, 130 эскадренныхъ миноносцевъ и около 600 подводныхъ лодокъ (150 въ Балтійскомъ, 100 въ Черномъ морѣ, 100 въ Ледовитомъ и 250 Тихомъ океанѣ), не считая огромного количества торпедныхъ катеровъ, сторожевыхъ судовъ, истребителей подводныхъ лодокъ, тральщиковъ и всякаго рода вспомогательныхъ судовъ.

Что-же касается до морскихъ справочниковъ, то не слѣдуетъ быть преувеличенно высокаго мнѣнія о точности приводимыхъ ими данныхъ. Сотрудничая въ 3-хъ изъ вышеприведенныхъ изданій, я хорошо знаю, насколько слабо освѣдомлены ихъ издатели не только о морскихъ силахъ Совѣтскаго Союза, но также и о флотахъ его сателитовъ, Краснаго Китая и ряда другихъ державъ.

Ф. Г. Скрыдловъ.

БУЕРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

(Какъ я провелъ первые дни Рождественскаго отпуска в 1905 году).

Это было давно... Въ дни нашей молодости...

Въ годъ сего происшествія я былъ кадетомъ 1-сй роты[1] Морского Корпуса. Въ Корпусѣ я дружилъ съ Колей Виренъ[2], кадетомъ той же роты.

Мои родители жили въ Царскомъ Селѣ, а родители Вирена въ Кронштадтѣ. Въ дни отпусковъ мы, конечно, ходили въ отпускъ каждый къ своимъ родителямъ, но иногда Коля приглашалъ меня къ себѣ въ Кронштадтъ. Тамъ-то я зимой впервые увидѣлъ ходящіе по льду буера и я страшно заинтересовался ими. Мнѣ очень захотѣлось покататься на буерѣ, что Коля мнѣ и устроилъ черезъ своихъ знакомыхъ, владѣльцевъ буеровъ.

Послѣ первой поѣздки на буерѣ мнѣ захотѣлось имѣть такой буеръ, но въ Царскомъ Селѣ льда не было, а были снѣжныя поля и потому мнѣ нужно было построить такой буеръ, который ходилъ бы по снѣгу. Изъ разговоровъ со спеціалистами я узналъ, что не хватаетъ коньковому буеру, дабы, поставленный на лыжи, онъ могъ бы свободно ходить по снѣгу.

Я выяснилъ, что причинъ къ этому нѣсколько: во-первыхъ, сопротивленіе короткаго конька много меньше длинной лыжи, слѣдовательно, парусность должна быть много больше. Во-вторыхъ, длинныя лыжи будутъ мѣшать дѣлать повороты, особенно крутые, такіе необходимые для буера. Въ-третьихъ, надо было что-то сдѣлать, дабы избѣжать дрейфа. Пришлось надъ этимъ долго думать, совѣтоваться и комбинировать.

Наконецъ все было обмозговано и разсчитано. Былъ сдѣланъ чертежъ съ одного изъ нравившагося мнѣ Кронштадтскаго буера, а также вычерчены и разсчитаны парусности и другія детали. Можно было приступать къ постройкѣ.

Началась весна и лѣтнее плаваніе я использовалъ на покупку, сборъ и приготовленіе такелажа и прочихъ матеріаловъ.

---

[1] Въ 1905 г. — 1-я рота — младшій спеціальный классъ.

[2] Стар. лейт. Николай Робертовичъ Виренъ. † въ 1943 въ США.

Буеръ я хотѣлъ сдѣлать шикарнымъ какъ яхта и оснастить также шикарно. Снабдить буеръ я хотѣлъ всѣми атрибутами паруснаго корабля, какъ-то: компасомъ съ катушкой, отличительными огнями, гакобортнымъ огнемъ, колдунчикомъ и яхтклубскимъ флагомъ. Этихъ атрибутовъ я не видалъ ни на одномъ буерѣ, но на сіе не обратилъ вниманіе. Какъ потомъ выяснилось, все это на буерѣ было совершенно не нужно и послѣ перваго похода почти все погибло.

Вернувшись изъ лѣтняго плаванія я дома, въ Царскомъ Селѣ, на дворѣ нашего дома сталъ мастерить корпусъ буера и дѣлать его оковку и оснастку.

Къ концу отпуска буеръ былъ готовъ, хотѣлось его попробовать, но на дворѣ стояла осень и ждать снѣга было еще долго. Въ томъ году снѣгъ выпалъ только въ началѣ декабря.

Въ одинъ изъ субботнихъ отпусковъ я рѣшилъ буеръ попробовать. Выведя буеръ на улицу, ведущую въ поле, я поднялъ паруса. Вѣтеръ былъ приличный и буеръ полетѣлъ какъ птица вдоль улицы, пугая извозчиковъ и лошадей. Дойдя до Саперки и легко обогнувъ одинъ изъ домовъ, буеръ вынесся въ поле и понесся по направленію г. Павловска.

Немного не дойдя до Бѣлаго столба я попробовалъ повернуть оверштагъ. Поворотъ все время не выходилъ изъ-за неповоротливости лыжной конструкціи. Тогда я сталъ спускаться, чтобы сдѣлать поворотъ черезъ фордевиндъ. Поворотъ хотя и вышелъ, но у меня лопнула вантина. Пришлось спускать паруса и закрѣпить вантину. Затѣмъ поднявъ паруса я пошелъ назадъ и уже въ полной темнотѣ съ трудомъ приплелся къ окраинѣ Казанскаго кладбища, гдѣ и оставилъ буеръ, заведя его руками на дворъ конторы.

Такъ какъ во время субботняго отпуска много не покатаешься, и большой поѣздки не сдѣлать, то я рѣшилъ, воспользовавшись Рождественскими праздниками и отпускомъ, сдѣлать на буерѣ продолжительный дальній пробѣгъ изъ Царскаго въ Кронштадтъ, расчитывая воспользовавшись крѣпкимъ вѣтеркомъ, ночью выйти изъ Царскаго и до обѣда слѣдующаго дня придти въ Кронштадтъ и оставивъ тамъ буеръ, поѣздомъ въ тотъ-же день вернуться домой, дабы вечеромъ въ сочельникъ быть дома, чтобы принять участіе въ приготовленіяхъ украшеній къ елкѣ, а въ первый день утромъ ее украшать.

Такъ было задумано, а вышло иначе.

Изъ корпуса на праздники насъ отпустили за одинъ день до сочельника, и какъ разъ въ этотъ день былъ отличный вѣтерокъ. Пропустить такой случай было никакъ невозможно и потому, несмотря на протесты своихъ домашнихъ, я рѣшилъ не откладывать намѣченнаго похода.

Сговорившись предварительно съ однимъ мальцемъ, по фамиліи Курочкинъ и пообѣщавъ, что на другой день мы будемъ обязательно

къ вечеру дома, мы, въ одиннадцать часовъ вечера прибыли на кладбище къ мѣсту стоянки буера и принялись приготовляться къ походу.

Вытащивъ буеръ въ поле и захвативъ лопаты, топоръ и молотокъ, мы уложили также приготовленные дома бутерброды и бутылку коньяка, мою форменную одежду и амуницію, т. к. одѣты мы были по зимнему, въ шубахъ, валенкахъ и мѣховыхъ шапкахъ, а форма мнѣ была необходима при возвращеніи назадъ.

Наконецъ всѣ сборы были окончены, и мы, поднявъ паруса и поставивъ буеръ на галсъ, весело понеслись по снѣжному простору. Ночь была свѣтлая и морозная. Пересѣкли Гатчинское и Красносельское шоссе и обогнувъ уголъ Баболовскаго парка, мы взяли курсъ на дачу Биловича у станціи Александровская. Здѣсь мы сдѣлали маленькую остановку, пошли на вокзалъ, выпили по рюмкѣ коньяку и закусили бутербродомъ. Переждавъ проходящій поѣздъ, мы на рукахъ перетащили буеръ черезъ переѣздъ и черезъ канаву и поднявъ паруса быстро прослѣдовали на Горѣлово.

Такъ какъ нашъ ходъ былъ настолько быстръ, что мы рисковали очень рано прибыть въ Ульяновку, а вступать на ледъ въ темнотѣ я не хотѣлъ, мы рѣшили подождать часокъ-другой на опушкѣ Горѣловскаго лѣса, а оттуда уже прямо идти на Ульяновку.

Морозъ былъ свирѣпый и сидѣть на буерѣ, несмотря на теплую одежду было холодно, то прождавъ какіе-нибудь полъ-часа, мы поѣхали дальше. На дальнѣйшемъ пути намъ часто пришлось пересѣкать проѣзжія дороги, по которымъ почти безпрерывной вереницей двигались предпраздничные обозы съ елками и прочими рождественскими товарами. Проскочить такую дорогу было очень трудно, тѣмъ болѣе, что лошади пугались, а люди ругались. Намъ пришлось передъ каждой такой дорогой опускать паруса и перетаскивать буеръ руками. Это было очень утомительно, но несмотря на всѣ препоны мы, какъ-никакъ, докатились до Ульянки. До разсвѣта было еще далеко и мы зашли на постоялый дворъ погрѣться.

Съ разсвѣтомъ я пошелъ на почту и послалъ телеграмму въ Кронштадтъ съ сообщеніемъ, что часамъ къ 10 буду тамъ.

Когда я вернулся, мы сразу подняли паруса, за нѣсколько минутъ прошли прибрежную поляну и вышли на заливъ въ районѣ Морского Канала, но сразу же провалились сквозь верхній тонкій, прибрежный ледъ. Пришлось долго канителить пока мы не вышли, наконецъ, на крѣпкій сплошной морской ледъ. Здѣсь мы занялись перестановкой лыжъ на коньки, что заняло тоже порядочно времени.

Когда перестановка была готова, мы быстро понеслись къ выходу изъ дамбы Морского Канала.

Когда мы вышли за послѣдній знакъ то замѣтили, что буеръ теряетъ ходъ и, наконецъ, совсѣмъ остановился. Вѣтеръ ослабѣлъ. Пришлось буеръ подталкивать и спускаться подъ ветеръ. Лавировать было

совсѣмъ невозможно. Наконецъ окончательно заштилело. Всѣ наши послѣднія манипуляціи совершенно сбили насъ съ толку, а тутъ еще быстро наступила темнота. Виднѣвшаяся вдали еще ранѣе баржа во льду и та пропала. И вотъ — темнота непроглядная, буеръ безъ движенія, гдѣ мы, гдѣ тотъ или иной берегъ?

Мой малецъ началъ скулить. Дома-же сочельникъ, мы думали къ этому времени быть дома. Тамъ навѣрное готовятся къ празднику, а мы въ морѣ и сами не знаемъ гдѣ! Но дѣлать нечего, надо что-то предпринимать! Сначала рѣшили закусить и допить коньякъ. Вѣдь мы сегодня еще ничего не ѣли! Когда-же схватились за бутерброды, то ихъ ѣсть было невозможно — они окаменѣли. Допили, съ горя, коньякъ. Я приказалъ мальцу сидѣть на буерѣ, а самъ пошелъ искать вѣхи Питерской дороги. Очень долго я блуждалъ, ничего не находя и потерялъ свой буеръ.

Идя дальше я вдругъ увидѣлъ какую-то глыбу — оказалось что это парусъ буера. Подойдя къ нему я къ ужасу своему на буерѣ мальца не нашелъ. Я сталъ его кликать, но никакого отвѣта не получилъ.

Я остался одинъ. Кругомъ, по берегамъ начали зажигаться огни. По огнямъ, которые мнѣ казались ближайшими, я рѣшилъ идти пѣшкомъ. Рѣшилъ забрать свои казенные манатки, но ихъ на буерѣ не оказалось — ихъ унесъ мой малецъ.

Я спустилъ парусъ, чтобы поднявшійся вѣтеръ не своротилъ-бы буеръ. На мачтѣ я поднялъ флагъ, чтобы послѣ легче опознать и затѣмъ пошелъ пѣшкомъ. Идти было страшно трудно, ледъ скользкій, безъ снѣга. Я постоянно падалъ, утомился до невозможности; хотѣлось безумно пить, но и снѣгу нигдѣ не наскребешь, а огонекъ так и манитъ, кажется что онъ совсѣмъ близко. Уже начало мерещиться, что въ свѣтѣ огня я вижу зданіе, и это зданіе — Ораніенбаумскій вокзалъ, въ немъ есть буфетъ, гдѣ можно выпить чаю съ лимономъ.

Наконецъ я ясно услыхалъ звонъ колокольчика, но скоро онъ пропалъ. Опять я долго шелъ и наконецъ уже вполнѣ реально услышалъ звонъ нѣсколькихъ колокольчиковъ и понуканіе лошадей. Было ясно, что я выхожу на какую-то дорогу. Но на какую? Питерскую, Ораніенбаумскую или на Лисій Носъ?

Еще нѣсколько минутъ хода и я увидѣлъ подводу ѣдущую по льду. Остановивъ ее, я спросилъ куда идетъ дорога? Баба отвѣтила: — «да въ Кронштадтъ!» — «А откуда?». Баба вытаращила на меня, глаза и ответила: — «да вѣстимо изъ Рамбова!» — «А ты откеда?» — спросила она меня. — «Я съ моря», отвѣтилъ я и попросилъ подвезти меня до Кронштадта. Баба согласилась и черезъ какой-нибудь часъ я былъ у Виреновъ, гдѣ, получивъ мою телеграмму страшно безпокоились почему я не ѣду. Меня сейчасъ-же накормили, напоили ромомъ и уложили въ постель. Во время моего разсказа о своихъ приключеніяхъ

мать Коли, Надежда Францевна сказала: — «Да это настоящій Рождественскій разсказъ!»

На другой день я выѣхалъ изъ Кронштадта въ Царское домой.

Прибывъ въ Царское я нашелъ тамъ Курочкина; оказывается онъ пріѣхалъ безъ моихъ вещей. Онъ сказалъ мнѣ, что прождавъ меня на буерѣ долгое время, онъ рѣшилъ что я пропалъ и, забравъ мои вещи, пошелъ на одинъ изъ огоньковъ. Спустя нѣкоторое время онъ добрался до станціи Лисій Носъ, гдѣ въ буфетѣ заложилъ за три рубля мои вещи чтобы по желѣзной дорогѣ добраться домой.

Пробывъ три дня праздниковъ дома я отправился на Лисій Носъ за своими вещами. Прибывъ туда и найдя все въ полной сохранности, я расплатился съ буфетчикомъ и рѣшилъ ѣхать выручать свой буеръ.

У желѣзнодорожниковъ я распросилъ о направленіи по которому пришелъ мой малецъ. Они сказали что въ сочельникъ они ясно видѣли маячившій тамъ буеръ, недалеко отъ промѣрной баржи, стоящей во льду, каковую я тоже въ свое время видѣлъ, пока не наступила темнота. Тогда я на станціи нанялъ извозчика, чтобы онъ довезъ меня до баржи.

Я плотно одѣлся. Поверхъ шинели одѣлъ свою мѣховую шубу. Проѣхавъ версты двѣ извозчикъ остановился передъ трещиной во льду и отказался дальше ѣхать. Тогда я предложилъ извозчику ждать меня у трещины, и оставивъ шубу на извозчикѣ, пѣшкомъ пошелъ на баржу.

Баржа была не такъ близко, какъ казалось, и мнѣ долго пришлось топтаться, пока я добрался до нея. Придя на баржу я узналъ, что она военная промѣрная и производя поздней осенью промѣры и съемки въ морѣ, опоздала уйти и замерзла, а теперь команда живетъ на ней. Уголь и продукты имъ привозятъ изъ Кронштадта, и какъ разъ сегодня здѣсь есть подвода, которая привезла очередные запасы. Унтеръофицеръ указалъ мнѣ на мой буеръ и сказалъ, что они въ Сочельникъ все время слѣдили за нимъ и даже хотѣли пойти на него. Но пошли на другой день и никого не нашли. Я попросилъ отправить мой буеръ въ Кронштадтъ съ подводой, на что онъ согласился. Распрощавшись, я побѣжалъ къ трещинѣ, но извозчика тамъ не нашелъ. Добрался я до станціи пѣшкомъ, въ удрученномъ состояніи. На станціи меня утѣшили и сказали, что извозчикъ имъ хорошо извѣстенъ и шубу обязательно привезетъ. Я просилъ ихъ позвонить мнѣ въ Царское, сказавъ, что немедленно пріѣду, когда они мнѣ сообщатъ, самъ-же я уѣхалъ домой. Дня черезъ три мнѣ по телефону сообщили, что извозчикъ шубу привезъ и я, пріѣхавъ на Лисій Носъ, шубу получилъ.

Вотъ какъ, въ 1905 году, я провелъ дни Рождественскихъ праздниковъ.

Въ слѣдующемъ году кончилась японская война и отецъ моего друга Коли, адмиралъ Виренъ, вернулся изъ японскаго плѣна.

Мой буеръ стоялъ въ Кронштадтѣ, т. к. по льду все-же лучше

было кататься, чѣмъ по снѣгу. Можно было дѣлать всѣ повороты и хорошо лавировать, что по снѣгу очень затруднительно.

Я часто въ это время заглядывалъ въ Кронштадтъ, чтобы покататься на буерѣ. Въ одинъ изъ отпусковъ, когда я рѣшилъ ѣхать въ Кронштадтъ, Коля сообщилъ мнѣ, что онъ пріѣдетъ на буерѣ меня встрѣчать въ Ораніенбаумъ вмѣстѣ съ отцомъ. Я дома приготовилъ адмиральскій флагъ и взялъ его съ собой.

По пріѣздѣ въ Ораніенбаумъ, на вокзалѣ меня дѣйствительно встрѣтилъ Коля и сказалъ, что папа ждетъ на буерѣ. Мы пошли на заливъ, гдѣ онъ познакомилъ меня со своимъ отцомъ.

Мы подняли паруса. Самъ адмиралъ сѣлъ за руль. Я попросилъ разрѣшенія у адмирала поднять адмиральскій флагъ, на что адмиралъ далъ свое согласіе.

Усѣвшись на буеръ, мы быстро помчались къ Кронштадту, гдѣ въ Рыбномъ ряду была стоянка буера. Чтобы пройти къ этому мѣсту надо было, по малому рейду пройти мимо всѣхъ гаваней. У стѣнки Средней Гавани стоялъ Артиллерійскій Отрядъ, коимъ командовалъ адмиралъ, держа флагъ на лин. кор. «Императоръ Александръ II».

И вотъ, мы на буерѣ проходимъ мимо средней гавани, мимо флагманскаго корабля. На кораблѣ никакого шевеленія. Адмиралъ во всѣ глаза смотритъ на свой корабль. — «Всѣ спятъ! такъ и нападеніе могутъ проспать!» — говоритъ адмиралъ — «безобразіе!» —

Когда мы пришли на свое мѣсто и управились съ буеромъ, то пошли домой, на квартиру адмирала, бывшую въ адмиральскомъ флигелѣ Инженернаго Училища.

Когда мы пришли, то адмиралъ, не раздѣваясь, сразу подошелъ къ телефону и вызвалъ свой корабль, попросилъ къ телефону командира Александра II» и давай его распекать: — «Адмиралъ проходитъ у самаго борта на буерѣ подъ адмиральскимъ флагомъ, а на адмиральскомъ кораблѣ спятъ! Объявляю Вамъ строгій выговоръ! Вахтеннаго начальника на семь дней подъ арестъ, а обоихъ сигнальщиковъ на 30 сутокъ подъ винтовку!» —

Такъ кончилась наша поѣздка.

Князь Я. К. Тумановъ

КАКЪ РУССКІЙ МОРСКОЙ ОФИЦЕРЪ ПОМОГАЛЪ ПАРАГВАЮ ВОЕВАТЬ СЪ БОЛИВІЕЙ

(Окончаніе)

Среда, 2-го января 1929 г. Два дня не записывалъ ничего, ибо очень трудно дѣлать это, когда нѣтъ своего угла, а приходится писать или за столомъ въ каютъ-компаніи, или же въ командирской каютѣ. Эти дни — канунъ Новаго года и первый день его, у насъ — ступа непротолченная отъ гостей.

Уже вечеромъ 30-го, на палубѣ былъ легкій «baile», къ счастью окончившійся довольно рано, т. ч. въ 11-мъ часу уже можно было ложиться спать. 31-го, еще до разсвѣта, пришелъ, и простоявъ недолго ушелъ дальше на сѣверъ пароходъ «Corumba». Утромъ въ тотъ же день получена почта. Получилъ отъ своихъ два письма. Получены также асунсіонскія газеты. Ничего сенсаціоннаго. То же пережевываніе первыхъ событій и сообщенія о патріотическихъ жестахъ парагвайцевъ и симпатіяхъ иностранцевъ. Но зато въ письмѣ ко мнѣ — нѣчто, заслуживающее быть отмѣченнымъ. Н. мнѣ пишетъ, что къ намъ, въ Асунціонѣ, зашелъ солдатъ, прося подаянія, и яко-бы заявилъ, что ихъ пришло откуда-то около двухъ тысячъ, но въ строй ихъ не приняли, за невозможностью уже одѣть и кормить такую уйму людей (это называется «общая мобилизація»), и что эти люди яко-бы голодаютъ. Весьма возможно, что это былъ какой-нибудь проходимецъ и вралъ безъ зазрѣнія совѣсти, но не менѣе возможно въ нашемъ государствѣ и то, что все это правда.

Утромъ пришелъ «Parapiti» и вечеромъ ушелъ внизъ. На немъ уѣхалъ докторъ Diaz Leon и Teniente Yegros. Съ послѣднимъ отправилъ корреспонденцію. Частныя письма вложилъ въ пакетъ А., съ просьбой переслать по назначенію. Предосторожность не лишняя, т. к. здѣсь существуетъ военная цензура, и, вполнѣ возможно, что увидавъ письмо на незнакомомъ языкѣ, его попросту бы выбросили, за невозможностью прочесть и провѣрить, что тамъ написано.

Вечеромъ, ошвартовались у пристани, для удобства посадки гостей. Къ 9-ти вечера прибылъ оркестръ музыки, и, черезъ ½ часа, палубы уже были полны гостями. Весь гарнизонъ (офицеры) во главѣ съ Franco и всѣ дамы Bahia Negro. Ночь — душная и жаркая. Ни малѣйшаго вѣтерка. Для освѣженія, снялись съ якоря и пошли вверхъ по рѣкѣ. Начался ожив-

ленный балъ на ютѣ. На спардекѣ накрыты столы для ужина. Днемъ зарѣзали козла и барана. Получилъ отъ padre Verdun новогоднiй подарокъ — мускитеръ. Незадолго до полночи сѣли за столы. Гостей оказалось значительно больше, нежели было разсчитано, поэтому хозяевамъ мѣста не хватило, даже самому командиру, который ужиналъ стоя. Въ полночь заревѣлъ судовой свистокъ. Бокалы (теплое вино) чокались; поздравленiя, пожатiя рукъ и объятiя. Много искренняго оживленiя и довольства. Парагвайскiй офицеръ не избалованъ и довольствуется малымъ. Padre Verdun произнесъ чувствительную рѣчь, посвященную торжественному моменту. Я почти все время провелъ на мостикѣ, куда вѣстовой принесъ мнѣ ужинъ, а старикъ лоцманъ добылъ мнѣ даже откуда-то высокiй табуретъ. Правда, за неимѣнiемъ свободнаго бокала или стакана, я пилъ пиво прямо изъ бутылки, но что дѣлать: «à la guerre comme à la guerre». Вернулись на якорную стоянку въ 3 ч.

1-го числа, вчера, днемъ, большой пикникъ у торговца дровами въ Puerto Martin, пригласившаго къ себѣ защитниковъ родины. Это былъ, дѣйствительно, парагвайскiй couleur local.

Къ 10 ч. утра, гостей привезли на мѣсто «Adolfo R.» и «Matilda». Часть офицеровъ прибыла верхомъ. Когда, въ 10 ч. мы съѣхали на берегъ, праздникъ былъ уже въ полномъ разгарѣ. На берегу рѣки, подъ навѣсомъ, устроенномъ подъ раскидистымъ деревомъ, шелъ плясъ. Хозяинъ, типичный парагваецъ, радушно встрѣтилъ насъ и, усадивъ на единственный соломенный диванъ, поднесъ намъ по бокалу amargo съ водой, въ видѣ аперитива. Тутъ-же на столѣ стояла и бутылка съ каньей. Оркестръ изъ гитаръ, флейтъ и скрипки игралъ не переставая. Неподалеку жарилось «asado con cuero», это — целыя туши быка или коровы, съ которыхъ не снята кожа. Туша протыкается большимъ деревяннымъ вертеломъ, который втыкается въ землю. Нѣсколько такихъ вертеловъ образуютъ кругъ, въ центрѣ котораго разводится костеръ. Туши, конечно, повернуты мясомъ къ огню и шкурой наружу.

Около полдня были накрыты большiе столы, были разставлены приборы, и, въ нѣсколькихъ мѣстахъ стола высились горы мандiоки. Затѣмъ, прямо отъ костра приносилось asado и подъ наблюденiемъ хозяина рѣзалось огромными кусками и раздавалось гостямъ. Мясо удивительно сочное и вкусное. Напиткомъ было обычное vino tinto. Оживленiе было огромное, много молодежи подъ хмелькомъ, но ни одного безобразно пьянаго. Это нужно поставить въ большой плюсъ культурности парагвайцевъ. Въ подобныхъ условiяхъ, будь мои компатрiоты — было бы немало «труповъ».

Вернулся на судно въ 1 ч., въ 16 ч. вернулись всѣ, и черезъ часъ, были мы уже въ Bahia Negro. Постарался лечь пораньше. Ночь — тихая, душная. Комары безпокоятъ сильно. Испробовалъ вновь полученный мускитеръ. Немного душно, но зато ни одного комара. Около 2-хъ часовъ, тревога — дождь. Доспалъ въ каютъ-компанiи, подъ вентиляторомъ. Пока

что, наша война больше походитъ на пикникъ. Сегодня, весь день — погрузка дровъ. Погрузили къ себѣ весь запасъ, который былъ въ Puerto Martin. Затѣмъ, поднялись немного выше и погрузили въ баржу все, что было сложено на берегу неподалеку отъ госпиталя. Вернулись на обычную якорную стоянку уже послѣ ужина.

Четвергъ, 3-го января. Утромъ, съѣхавъ на берегъ, сдалъ на почту корреспонденцію, т. к. завтра сверху пройдетъ почтовый пароходъ «Corumba». Послѣ полдня — тропическій ливень, перешедшій затѣмъ въ мелкій дождь, шедшій до самой ночи.

4 января. Утромъ пришелъ «Corumba» и вскорѣ же ушелъ. Вечеромъ съѣхалъ съ командиромъ на берегъ. Зашли къ teniente Velasquez. Тамъ сидѣлъ еще одинъ офицеръ, видно живущій въ той же хатѣ, а при нашемъ приходѣ, появилась отвратительная, сморщенная какъ печеное яблоко, старуха, лѣтъ этакъ хорошо за 70, обвѣшанная всѣми присущими молодой женщинѣ украшеніями — огромными серьгами, ожерельемъ, брошками и еще кое чѣмъ-то. Benitez представилъ мнѣ ее какъ свою тетку; затѣмъ, объяснилъ ей краткую мою біографію, что онъ дѣлаетъ всегда, когда знакомитъ меня съ кѣмъ-нибудь, имѣющимъ, по его мнѣнію, какой-либо вѣсъ. Неизмѣнно всегда прибавляетъ, что я — русскій князь и уже принялъ парагвайское подданство, что я ему никогда не говорилъ, но видно это ему очень хочется и я никогда не возражаю.

Сидѣли до темноты, когда появился padre Verdun, причемъ появленіе этого своеобразнаго священника было довольно необычнымъ. Со стороны авіаціоннаго поля показался каміонъ, нагруженный рабочими и среди нихъ нашъ padre неизмѣнно въ военной формѣ. Padre что-то выкрикивалъ и подымая хлыстъ, заставлялъ затѣмъ свою банду орать «ура». Такимъ образомъ, каміонъ сдѣлалъ нѣсколько вольтовъ по площади и остановился неподалеку от насъ, разгрузилъ своихъ пассажировъ, послѣ чего padre присоединился къ нашей компаніи. Оказывается — онъ главный руководитель работъ по рубкѣ лѣса и очистки поля для аэроплановъ и это было возвращеніе его съ работъ со своими рабочими. Padre получилъ рюмку кеньи, а мы вскорѣ простились и вернулись съ командиромъ на корабль, т. к. было уже темно.

5 января. Въ 9 ч. отправились на шлюпкѣ на кирпичный заводъ въ одномъ километрѣ на сѣверъ отъ Bahia Negro, гдѣ помѣщается рота teniente Palacios. Съ удовольствіемъ провелъ время у этого милаго и симпатичнаго офицера. Ѣздилъ съ нимъ и вотчимомъ А., который является здѣсь главнымъ поставщикомъ гарнизона въ Bahia Negro и Fuerto Olimpio. Palacios угостилъ насъ неплохимъ коньякомъ. Около полудня сѣли обѣдать. Послѣ обѣда слушали доморощеннаго гитариста, одного изъ солдатъ роты Palacios, когда замѣтили вдали у берега подъ Bahia Negro какой-то стоящій пароходъ. Справились по телефону и узнали, что пришелъ «Criollo» (teniente Bogarin) съ баржой на буксирѣ, доставивъ сотню лошадей для нашего гарнизона. Рѣшили возвращаться, въ надеждѣ

узнать какія-нибудь новости. Вызвали по телефону шлюпку, и, простившись съ гостепріимными хозяевами, пошли прямо къ «Criollo», который ошвартовался неподалеку отъ госпиталя. Богарина не застали, т. к. онъ былъ на берегу и долго сидѣли, поджидая его возвращенія. Часамъ къ 3-мъ пришелъ Bogarin, но ничего новаго сообщить намъ не могъ. Положеніе все прежнее — ни миръ, ни война, совсѣмъ какъ въ армянскомъ анекдотѣ. Около 5 ч. вечера, «Criollo» ушелъ въ Concepcion. Написалъ нѣсколько словъ Н. Ф. Эрнжъ, прося освѣтить мнѣ обстановку.

Послѣ трехъ ночей подрядъ, проведенныхъ подъ спардекомъ изъ за дождя, разложилъ свою постель снова на ютѣ подъ открытымъ небомъ.

Воскресенье, 6 января. День большого событія, для меня, по крайней мѣрѣ. Утро прошло обычнымъ порядкомъ, и, послѣ обѣда я уже укладывался отдохнуть съ книгой Джелико, какъ раздались вокругъ меня восторженные крики и всѣ взоры обратились на то мѣсто внизъ по рѣкѣ, гдѣ она дѣлаетъ излучину — тамъ, изъ-за поворота показалось суденышко. Въ оптическій прицѣлъ кормовой пушки уже можно было легко различить «Coronel Martinez» съ баржой на буксирѣ. «Coronel Martinez» подошелъ около 2 ч. дня, и, вскорѣ же послѣ этого я уже имѣлъ въ рукахъ письмо А., въ которомъ онъ мнѣ сообщалъ, что «Coronel Martinez» посылается на смѣну «Adolfo Riquelme», который возвращается въ Асунсіонъ, поэтому я долженъ перебраться на «Coronel Martinez» и продолжать мою полезную дѣятельность, «которую, конечно, парагвайское правительство оцѣнитъ по заслугамъ».

О жизни на «Coronel Martinez», конечно, не можетъ быть и рѣчи, надо перебираться на берегъ. Повидалъ майора Франко, и, какъ я и разсчитывалъ, дѣло было покончено и обдѣлано въ два счета. Въ его домѣ, рядомъ съ его комнатой, оказалась еще комнатушка, въ которой стояла чья-то походная кровать и какіе-то большіе ящики. Майоръ тутъ же отдалъ приказаніе присутствовавшему при нашемъ разговорѣ своему адъютанту, а также родственнику, teniento Franco убрать все и предоставить комнату мнѣ. Такого благопріятнаго разрѣшенія вопроса я даже не ожидалъ, заранѣе примирившись съ мыслью поселиться въ обществѣ какого-либо изъ парагвайскихъ офицеровъ. Teniente Franco обѣщалъ достать мнѣ койку, матрацемъ снабдилъ меня «Coronel Martinez», а больше мнѣ ничего не нужно. Успокоенный, вернулся на корабль кончать корреспонденцію, которую возьметъ съ собой «Adolfo Riquelme».

Послѣ ужина, съѣхалъ уже въ темнотѣ съ вещами, которыя донесъ мнѣ матросъ со шлюпки. Съѣхалъ съ большой грустью, т. к. съ уходомъ «Adolfo Riquelme» лишаюсь не только большого удобства, но и дѣлаюсь еще болѣе одинокимъ съ отъѣздомъ Бенитиса, который былъ мнѣ всегда однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ флотскихъ офицеровъ. Пришедшій ему на смѣну Martinez Fretez — человѣкъ совершенно иного порядка, и много моложе, къ тому-же.

7 января. Спалъ во дворѣ. Прохладный вѣтерокъ, ни одного москита.

Укрывался даже покрываломъ. Вечеромъ, передъ сномъ, бесѣдовалъ съ Франко. Онъ убѣжденъ, что война неизбѣжна. Въ Асунціонѣ, правительство полагаетъ, что нѣтъ никакихъ шансовъ на возможность разрѣшить споръ боливійско-парагвайскій мирнымъ путемъ. Получено свѣдѣніе, что въ скоромъ времени сюда прибудетъ комиссія для провѣрки на мѣстѣ факта бросанія бомбъ съ боливійскаго аэроплана, т. к. Боливія категорически его опровергаетъ.

Утромъ отправился на «Coronel Martinez». Послѣ 8 ч. снялись съ якоря и пошли вверхъ по рѣкѣ. Вышли въ Rio Negro и поднялись километра два, чтобы видѣть правый флангъ позиціи. При поворотѣ сѣли носомъ на мель, но быстро сошли заднимъ ходомъ. Въ рѣчкѣ сильно прибыло воды. При выходѣ изъ Rio Negro присмотрѣли удобное мѣсто, гдѣ будемъ становиться на позицію. Вернулись около полдня. Обѣдалъ съ офицерами судна на ютѣ. Кухня, къ моему удивленію, оказалась даже лучше, чѣмъ на «Adolfo Riquelme»; въ кушаніяхъ попадались такіе деликатессы какъ лукъ, и, даже, зеленый горошекъ. Martinez даже разщедрился на коктейль, который принесли намъ на мостикъ, пока мы еще не стали на якорь. Сильнымъ вѣтромъ сдуло мою рюмку и разбило ее вдребезги, къ счастью послѣ того, какъ я уже выпилъ свой коктейль. Послѣ обѣда вернулся на берегъ и проспалъ часовъ до 4-хъ.

8 января. Сегодня, въ 4 ч. утра, долженъ былъ итти на «Matilda» въ фортъ Patria, производя по пути промѣръ Rio Negro, чтобы выяснить, насколько она доступна для плаванія «Coronel Martinez». Но ночью полилъ дождь, все небо заволокло тучами, и, когда въ 3 ч. ночи пришелъ меня будить матросъ, я передалъ черезъ него командиру совсѣмъ отложить поѣздку изъ-за дурной погоды. Martinez прислалъ мнѣ сказать, что т. к. все готово къ плаванію, и, кромѣ того, «Matilda» ведетъ съ собой баржу съ провіантомъ для фортовъ, то онъ все же рѣшилъ итти. Я предоставилъ ему мокнуть и остался.

Весь день — большая пасмурность, временами мелкій, какъ сквозь сито, дождь. Наша Бѣлогорская крѣпость въ дождливый день выглядитъ совсѣмъ непривлекательно; къ тому-же — непролазная грязь, ибо почва Чако пропускаетъ воду лишь сквозь поверхностный свой слой. Утромъ, удилъ рыбу съ «Coronel Martinez». Вытащилъ всего одну пиранью и бросилъ. Столъ на «Coronel Martinez» положительно много лучше чѣмъ на «Adolfo Riquelmo».

Вечеромъ, вернувшись послѣ ужина домой, засталъ на patio майорскаго дома импровизированный концертъ. Кромѣ хозяина дома, былъ padre Verdun, дантистъ, teniente Franco и цѣлый рядъ слушателей, стоявшихъ вдоль балюстрады и различить ихъ во мракѣ не было никакой возможности. Посреди patio, на стульяхъ, другъ противъ друга, сидѣли два солдата и пѣли въ два голоса, къ сожалѣнію на языкѣ гуарани. Одинъ изъ нихъ, пѣвшій первымъ голосомъ, аккомпанировалъ на гитарѣ. Мотивъ — неизмѣнная парагвайская полька, довольно однообразный, съ

большимъ оттѣнкомъ меланхоліи, но довольно мелодичный. Franco рекомендовалъ мнѣ гитариста какъ поэта, фиксирующаго въ своихъ стихахъ текущія событія и затѣмъ поющаго ихъ. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ Franco переводилъ мнѣ съ гуарени на испанскій. Въ другихъ — я самъ догадывался объ ихъ смыслѣ, по упоминавшимся въ нихъ мѣстахъ и лицахъ. Часто фигурировали слова Боливія и боливійцы, форты Galpon и Patria, mayor Franco, teniente Ortigoza и такъ далѣе. Стихи довольно гладкія, часто слышится рифма, а языкъ гуарани совсѣмъ не дуренъ для музыки. Всѣ присутствовавшіе съ сосредоточеннымъ вниманіемъ слушали этого создателя народнаго эпоса, выражая свое одобреніе, послѣ какого-либо удачнаго стиха неизмѣннымъ — «muy bien». Я, хотя и мало понималъ изъ того, что пѣлось, но не безъ удовольствія слушалъ этотъ оригинальный концертъ.

9 января. Спалъ въ комнатѣ и... подъ одѣяломъ. Совершенно невѣроятная вещь, въ которую не повѣрилъ бы, если бы мнѣ о томъ сказали въ Асунсіонѣ, что лѣтомъ, въ Bahia Negro можно будетъ спать въ комнатѣ безъ мускитерра и подъ одѣяломъ. Проснулся, судя по солнцу, довольно поздно. Обратилъ вниманіе на то, что здѣсь я обхожусь безъ двухъ инструментовъ, казалось бы, совершенно необходимыхъ для культурнаго человѣка — безъ часовъ и безъ зеркала. Ознакомился съ библіотекой Franco. Слава Богу, есть что почитать. Взялъ еще не читанный мною 2-ой томъ «Historia de la campaña de 1914 en il fronte Ruso», Головина. Читаю печальную исторію гибели Самсоновской арміи въ Восточной Пруссіи.

Вечеромъ, въ бесѣдѣ съ Franco предложилъ ему какъ-нибудь на дняхъ прочесть офицерамъ гарнизона лекцію на тему «совмѣстная операція арміи и флота». Принялъ съ благодарностью. Купилъ за 10 пезо зеркальце. Теперь могу бриться самъ.

10 января. Утромъ, на прогулкѣ въ лѣсу, имѣлъ неосторожность сорвать цвѣтокъ кактуса и сразу же получилъ массу мельчайшихъ занозъ, почти что не видимыхъ глазомъ, но очень ощутительныхъ. Долго очищалъ руки, но не очистилъ совершенно, ибо понадобился бы микроскопъ для отыскания всѣхъ занозъ.

11 января. На двухъ пальцахъ лѣвой руки очень болѣзненные нарывчики, результатъ кактусовыхъ занозъ. Утромъ заходили женщины индѣянки, клянчить маисъ. Въ началѣ моего здѣсь пребыванія, индѣйцевъ въ Bahia Negro не было вовсе и я сразу обратилъ на это вниманіе. Мнѣ разъяснили, что послѣ налета боливійскаго аэроплана, всѣ бывшіе здѣсь индѣйцы снялись и ушли въ глубь Чако. Недавно приходилъ отъ нихъ гонецъ разузнать, какъ обстоятъ дѣла, и, узнавъ, что все обстоитъ благополучно и пока что Bahia Negro никакой опасности не грозитъ, объявилъ, что въ такомъ случаѣ они вернутся снова. Дѣйствительно, въ скоромъ времени они появились, въ небольшомъ въ началѣ количествѣ, а затѣмъ все больше. Теперь ихъ можно встрѣтить на каждомъ шагу. Бабы

— обязательно съ торбами, совсѣмъ какъ наши европейскія цыганки. Мужчинъ завербовалъ padre Verdun на работы по очисткѣ авіаціоннаго поля и очень доволенъ ихъ работой.

Купилъ сегодня у индѣянки славнаго cotorio (попугай) еще молодого, за 5 пезо. Sanchez пристроилъ мнѣ въ углу моей комнаты для него жердочку и онъ уже исправно галдитъ. Боюсь, что Franco останется не особенно доволенъ новымъ крикливымъ жильцомъ. Получилъ приглашеніе на «azado» и аперитивъ къ капитану Morinigo, — сегодня его день рожденія.

12 января. Въ 11 ч. почти весь офицерскій составъ гарнизона и корабля собрались на террасѣ у Morinigo, Подавался коктейль. Играла музыка. Обѣдъ и балъ. На дворѣ — тропическій ливень. Bahia Negro непроходима. Вернулся къ 3-мъ часамъ, слегка перегруженный крѣпкимъ коктейлемъ, и, даже, шампанскимъ, которое подавалось за сладкимъ. Легъ спать въ компаніи съ моимъ новымъ жильцомъ — попкой. Проснулся, когда уже начинало темнѣть. Ужиналъ у майора. Послѣ ужина приготовленія къ балу, который долженъ быть уже у насъ. Въ 9-мъ часу прибыли музыканты, а затѣмъ грузовикъ началъ подвозить гостей. Балъ — почти до полуночи.

Проснулся рано — разбудилъ своимъ крикомъ попка. Дождь, все небо въ тучахъ. Грязь — умопомрачительная. Неприглядна наша Бѣлогорская крѣпость въ такую погоду!

Понедѣльникъ, 14 января. Пришелъ пароходъ «Corumba» и привезъ свѣжія новости. Самой существенной изъ нихъ было сообщеніе о соглашеніи Боливіи на арбитражъ въ Вашингтонѣ и декретъ о демобилизаціи, подписанный нашимъ президентомъ 9-го числа этого мѣсяца. И — слава Богу! Богъ съ ней, съ чужой войной! И своихъ войнъ за моими плечами довольно...

На этомъ кончаются мои записки, говорящія о прелюдіи войны Парагвая съ Боливіей, которая, несмотря на арбитражъ Вашингтона, все-таки разразилась и длилась безъ малаго три года, съ 1932 по 1935. Во время этой войны авторъ никакихъ записокъ не велъ. Зачисленный въ Парагвайскій флотъ чиномъ капитана 2 ранга honoris causa, онъ, въ продолженіи почти всей войны занималъ очень хлопотливую и скучную должность начальника личнаго отдѣла флота, изрѣдка лишь выѣзжая въ болѣе или менѣе интересныя командировки. Одна изъ нихъ была особенно интересной: онъ былъ посланъ изслѣдовать Rio Verde (Зеленая рѣка), одну изъ рѣкъ Чако, съ цѣлью выясненія возможности утилизаціи ея какъ путь сообщенія для подвоза всего необходимаго въ одинъ изъ секторовъ нашего фронта, въ глубинѣ Чако. Это было 9-тидневное плаваніе въ хаосѣ первыхъ дней мірозданія, ибо по этой рѣкѣ, до него, если кто-нибудь и плавалъ, то развѣ лишь индѣйцы на своихъ пирогахъ, въ доисторическія времена. Рѣка, послѣ изслѣдованія авторомъ, была въ нѣкоторой своей части использована для провоза грузовъ для арміи.

Въ боевыхъ дѣйствіяхъ парагвайскому флоту принять участіе не пришлось, ибо боливійцы, неизмѣнно битые парагвайцами, отгонялись все дальше отъ рѣки Парагвая, пока, загнанные на свое плоскогорье, не пошли на мировую. Роль флота свелась, поэтому, къ чисто транспортной службѣ.

Въ парагвайской арміи было немало бывшихъ русскихъ офицеровъ, среди нихъ 5 командировъ полковъ. Шестеро изъ нихъ отдали свои жизни въ защитѣ столь далекаго отъ Россіи Парагвая.

В. В. Веселовскій. (Черноморъ)

НЕЧАЯННЫЙ ВЫСТРѢЛЪ

Осенью 1912 года началась, такъ называемая, 1-я Балканская война. Союзныя арміи Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи, послѣ ряда рѣшительныхъ, успѣшныхъ боевъ, въ октябрѣ того-же года побѣдоносно докатились до Чаталджинскихъ позицій и стали угрожать самому Константинополю. Обстоятельство это сильно встревожило дипломатовъ Великихъ Державъ по двумъ причинамъ: дальнѣйшій успѣхъ коалиціи могъ въ 24 часа совершенно измѣнить существующій «статус-кво» на Ближайшемъ Востокѣ, а во-вторыхъ, разбитая турецкая армія, бросившись назадъ, могла начать рѣзать христіанъ — иностранныя колоніи Константинополя. Поэтому, для защиты своихъ подданныхъ, державы рѣшили собрать въ Босфорѣ международную эскадру. Съ середины октября эскадра эта начала собираться на Босфорѣ подъ флагомъ французскаго контръ-адмирала Дартижъ-дю-Фурнэ — впослѣдствіи, во время Великой войны, бывшаго одно время Командующимъ французскимъ флотомъ. Въ первыхъ числахъ ноября эскадра была уже въ полномъ составѣ, примѣрно около 30 судовъ десяти различныхъ націй. Русскій отрядъ, входившій въ составъ этой эскадры, состоялъ изъ линейнаго корабля «Ростиславъ», крейсера «Кагулъ», канонерской лодки, сначала «Кубанецъ», и затѣмъ — «Донецъ» и посольской яхты «Колхида». На русскихъ судахъ находилось двѣ роты 50-го Бѣлостокскаго полка. Вскорѣ международный десантъ, общей численностью до 2½ тысячъ штыковъ, былъ свезенъ съ эскадры на берегъ для несенія охраны Посольствъ, консульствъ и, разбитаго для сего на сектора, города Константинополя. Всѣ суда эскадры стояли первые мѣсяцы на боевомъ положеніи: всѣ орудія всѣхъ калибровъ были всегда заряжены; прожектора — на готовѣ; связь съ дессантомъ — обезпечена, транспорта для принятія иностранныхъ колоній — подъ парами. Въ такихъ условіяхъ въ началѣ января 1913 г. произошелъ слѣдующій случай:

Однажды, утромъ, на лин. кор. «Ростиславъ» шло артиллерійское ученіе: двигались башни; наводились орудія; работали элеваторы подачи. Старшій офицеръ, старшій и младшіе артиллеристы обходили палубы и всѣ плутонги, провѣряя боевую готовность корабля. Въ батарейной палубѣ, въ батареѣ 47 м/м пушекъ, тоже шло ученіе. Здѣсь, по пушкамъ, въ дополненіе обычной прислугѣ, были, въ видѣ 2-ой смѣны, расписаны и пѣхотные солдаты.

Комендоръ Озеровъ — старшина 47 м/м пушки № 4, очень бравый и расторопный комендоръ, съ увлеченіемъ разсказывалъ и объяснялъ солдатамъ всѣ дѣйствія №№ прислуги. Въ порывѣ полнаго увлеченія своей спеціальностью, Озеровъ забылъ что его пушка заряжена, и поясняя какъ, «сильно дергая за шнуръ», производится выстрѣлъ, въ дѣйствительности самъ и произвелъ настоящій выстрѣлъ. Едва лишь выстрѣлъ раздался, какъ бѣдный Оеровъ, поблѣдневъ, какъ то присѣлъ, схватился за голову и прошепталъ: — «ну, теперь я пропалъ!» — Вылетѣвшій снарядъ, пролетѣлъ надъ кормой англійскаго крейсера «Веймоутъ», по палубѣ котораго гулялъ съ трубкой въ зубахъ его командиръ. Затѣмъ снарядъ разорвался объ воду и нѣсколько его осколковъ полетѣли на берегъ. Одинъ осколокъ впился въ стволъ дерева дворцоваго сада, а другой — перебилъ рѣшетку Султанскаго дворца Долма-Бахча, въ которомъ въ это время какъ разъ и имѣлъ свое пребываніе Султанъ.

Въ началѣ командиръ «Ростислава», капитанъ 1-го ранга М. П. Саблинъ и офицеры этого корабля не придали особенно важнаго значенія происшедшему, полагая, что врядъ-ли осколки долетѣли до берега. Не придалъ значенія этому выстрѣлу, видимо, и командиръ англійскаго крейсера «Веймоутъ», надъ головой котораго просвистѣлъ снарядъ. Кэптенъ этотъ лишь на одинъ моментъ остановился, взглянулъ удивленно сначало на «Ростислава», затѣмъ на берегъ и вновь зашагалъ по палубѣ своего крейсера, даже не вынувъ трубки изо рта.

Но не такъ спокойно отнеслись къ этому происшествію нѣмцы. Съ лин. крейсера «Гебенъ» — единственнаго въ составѣ Международной эскадры новѣйшаго корабля типа «Дредноутъ», сейчасъ же отвалилъ катеръ съ офицерами въ штатскомъ платьѣ и присталъ къ берегу, примѣрно къ тому мѣсту, куда полетѣли осколки русскаго снаряда. Съ «Ростислава» можно было наблюдать, какъ германскіе офицеры внимательно изслѣдовали рѣшетку дворца, деревья и весь прилегающій районъ. Но и этому не было придано особеннаго значенія: — ну и пусть себѣ изслѣдуютъ, если дѣлать имъ нечего.

Примѣрно черезъ полъ-часа послѣ этого нечаяннаго выстрѣла, къ трапу «Ростислава» присталъ вельботъ съ турецкой Султанской яхты «Эртогрулъ» и командиръ ея, капитанъ 2-го ранга Джавидъ Бей (насколько помнится), лично пріѣхалъ съ неофиціальнымъ визитомъ къ командиру «Ростислава». Турецкій командиръ сообщилъ М. П. Саблину слѣдующее: — «Я прибылъ къ Вамъ по собственному почину, какъ морякъ къ моряку. Сегодня у Васъ произошелъ выстрѣлъ и осколками снаряда повреждена рѣшетка дворца, и, быть можетъ, потревоженъ покой Его Величества-Султана. Поэтому я дружески совѣтую Вамъ отправить офицера во дворецъ и принести тамъ первому Камергеру Его Величества свои извиненія». — Капитанъ 1-го ранга Саблинъ, сердечно поблагодаривъ Командира, отвѣтилъ, что онъ самъ не зналъ, что осколки долетѣли

до берега, но разъ это такъ, то онъ самъ лично немедленно отправиться во дворецъ съ извиненіями.

Командиръ «Эртогрула» былъ очень этимъ обрадованъ и отбылъ къ себѣ, капитанъ же 1-го ранга М. П. Саблинъ, облачившись въ вицъ-мундиръ, отправился во дворецъ, и принесъ тамъ свои извиненія Первому Камергеру, любезно принявшаго русскаго командира и угостившаго его кофеемъ. Изъ дворца кап. 1-го р. Саблинъ отправился въ Императорское Россійское Посольство, гдѣ доложилъ нашему Послу, М. Н. Гирсу о случившемся, разсказавъ всѣ подробности и свой визитъ во дворецъ. Посолъ вполнѣ одобрилъ дѣйствія командира и, въ свою очередь, лично поѣхалъ къ Великому Визирю, коему и выразилъ сожалѣнія Императорскаго Правительства по поводу происшедшаго.

Такимъ образомъ, втеченіи всего лишь 1½-2 часовъ были приняты всѣ, полагающіеся въ подобныхъ случаяхъ, дипломатическіе шаги и досадный инцидентъ былъ исчерпанъ.

Но не того желали нѣмцы и ихъ союзники — младотурки. Ихъ цѣлью было, всячески раздувая этотъ случай, создать предлогъ для возвращенія на суда послѣднихъ частей дессанта, еще остававшагося на берегу, а быть можетъ, даже — и для удаленія Международной эскадры съ Босфора. Младотурецкая печать, инспирируемая нѣмцами, во главѣ съ Германскимъ Посломъ въ Константинополѣ, фонъ-Вангенгеймомъ, на всѣ лады разжигали страсти и муссировали этотъ инцидентъ.

Но офиціально ничего подѣлать уже было нельзя.

Едва ли не черезъ часъ послѣ визита Русскаго Посла къ Великому Визирю, къ послѣднему поступили офиціальная жалоба военнаго министра и протесты комитета «Единеніе и Прогрессъ». Но Великій Визирь отвѣтилъ лишь что инцидентъ исчерпанъ, такъ какъ Россійское Императоское Правительство выразило уже свои сожалѣнія. Прессѣ и политиканствующимъ кругамъ оставалось только злобствовать и заниматься инсинуаціями.

Случай съ этимъ нечаяннымъ выстрѣломъ облетѣлъ всю міровую печать, какъ и всѣ русскія газеты.

Нѣкоторые «собственные корреспонденты» даже высоко-талантливо, во всѣхъ деталяхъ, изображали этотъ нечаянный выстрѣлъ, какъ обстрѣлъ русскимъ флотомъ Константинополя и Султанской Резиденціи. Но пока лились чернила, брызжала слюна и злобствовали извѣстные политическіе круги и часть прессы, вернемся къ несчастному виновнику нечаяннаго выстрѣла — комендору Озерову.

Командиръ «Ростислава», кап. 1-го ранга Саблинъ, вообще хладнокровно отнесшійся къ инциденту, видимо, наказывать Озерова не собирался. Но старшій изъ командировъ русскихъ судовъ на рейдѣ, командиръ крейсера «Кагулъ», отнесся къ этому вопросу иначе. Онъ приказалъ комендора Озерова арестовать, разжаловать и даже предать его суду. Объ этихъ мѣрахъ командиръ «Кагула», вмѣстѣ съ изложеніемъ всего

инцидента, срочно донесъ по радіо Командующему Морскими Силами въ Севастополь. Однако, въ ближайшую же ночь былъ полученъ по радіо отвѣтъ Командующаго Морскими Силами Чернаго моря, Вице-адмирала А. А. Эбергардъ. Адмиралъ приказывалъ: комендора Озерова изъ подъ ареста освободить; никакихъ взысканій на него не накладывать и, какъ далѣе говорилъ адмиралъ, «онъ увѣренъ, что тяжелыя нравственныя переживанія комендора Озерова будутъ для этого послѣдняго лучшимъ и самымъ дѣйствительнымъ взысканіемъ».

Этимъ инцидентъ случайнаго выстрѣла былъ окончательно исчерпанъ.

Но нѣсколько дней спустя, къ крайнему сожалѣнію русскихъ командировъ и офицеровъ, выяснилось, что въ итогѣ случая съ нечаяннымъ выстрѣломъ, все-же оказался одинъ пострадавшій, а именно, — симпатичный командиръ яхты «Эртогрула». Его добрый, товарищескій жестъ — визитъ по своей иниціативѣ къ командиру корабля «Ростиславъ», съ цѣлью предупредить международный инцидентъ, былъ объясненъ его начальствомъ иначе и морской министръ, безъ сомнѣнія изъ младо-турецкаго комитета, отрѣшилъ отъ должности и уволилъ командира «Эртогрула», образованнаго моряка англійской школы, но, очевидно противника младо-турецкой партіи, въ отставку.

Къ счастью, отставка эта длилась, видимо, недолго.

Пишущему эти строки, въ маѣ 1914 года пришлось проходить Босфоръ на яхтѣ «Алмазъ». Встрѣчая, въ качествѣ вахтеннаго начальника, пріѣзжавшихъ къ командиру «Алмаза» съ отвѣтными визитами лицъ, пишущій эти строки съ искренней радостью, среди пріѣзжавшихъ, встрѣтилъ и симпатичнаго капитана 2-го ранга Джавидъ-Бея, полностью возстановленнаго уже по службѣ и вновь командовавшаго тѣмъ же «Эртогруломъ».

НЕКОТОРЫЯ ПОПРАВКИ.

1. «Морскія Записки», Томъ XI, № 1 — 2.

1. Въ «Клубѣ Самоубійцъ», стр. 34.

Описываемый эпизодъ съ вытраливаніемъ минъ подъ самымъ носомъ крейсера «Баянъ» при выходѣ его изъ Моонзунда относится не къ ноябрю 1915, а къ октябрю 1916 г. Въ 1915-мъ году «Баянъ» въ Моонзундъ не входилъ и входить не могъ, такъ какъ углубленіе Моонзундскаго фарватера для прохода большихъ судовъ было закончено только въ іюлѣ 1916 года. «Баянъ» былъ введенъ въ Моонзундъ въ началѣ августа 1916 года. При обратномъ выходѣ изъ Моонзунда въ концѣ октября крейсеровъ «Баяна» (кап. 1 р. С. Н. Тимиревъ I) и «Аврора» (кап. 1 р. Никольскій), дѣйствительно, передъ самымъ носомъ идущего головнымъ «Баяна» тральщиками была вытралена небольшая минная банка у Штапельботтена, очевидно, только-что поставленная непріятельскимъ подводнымъ заградителемъ. По представленію старшаго изъ командировъ кораблей, кап. 1 р. С. Н. Тимирева, поименованные въ очеркѣ офицеры были награждены Георгіевскимъ оружіемъ.

Въ концѣ-же ноября 1915 г. «Баянъ» участвовалъ въ постановкѣ миннаго загражденія у зюдовой оконечности острова Готландъ.

2. «Десять лѣтъ на Императорской яхтѣ «Штандартъ»», стр. 70.

Отрядъ вице-адмирала сэра Дэвидъ Битти — The First Battle-Cruiser Squadron — посѣтившій русскіе порта Балтійскаго моря въ іюлѣ 1914 г. состоялъ изъ линейныхъ крейсеровъ: «Lion» (флагъ), «Queen Mary», «Princess Royal» и «New Zealand» и легкихъ крейсеровъ «Blonde» и «Boadicea». «Tiger» въ это время еще достраивался и въ походѣ не участвовалъ, а «Queen Elisabeth» — линейный корабль — къ отряду адмирала Битти не принадлежалъ и въ Россіи не былъ.

Всѣ шесть кораблей посѣтили порта Ревель, Кронштадтъ и Біоркэ.

Сообщилъ: **Ст. Лейт. К. фонъ-Ноттбекъ**